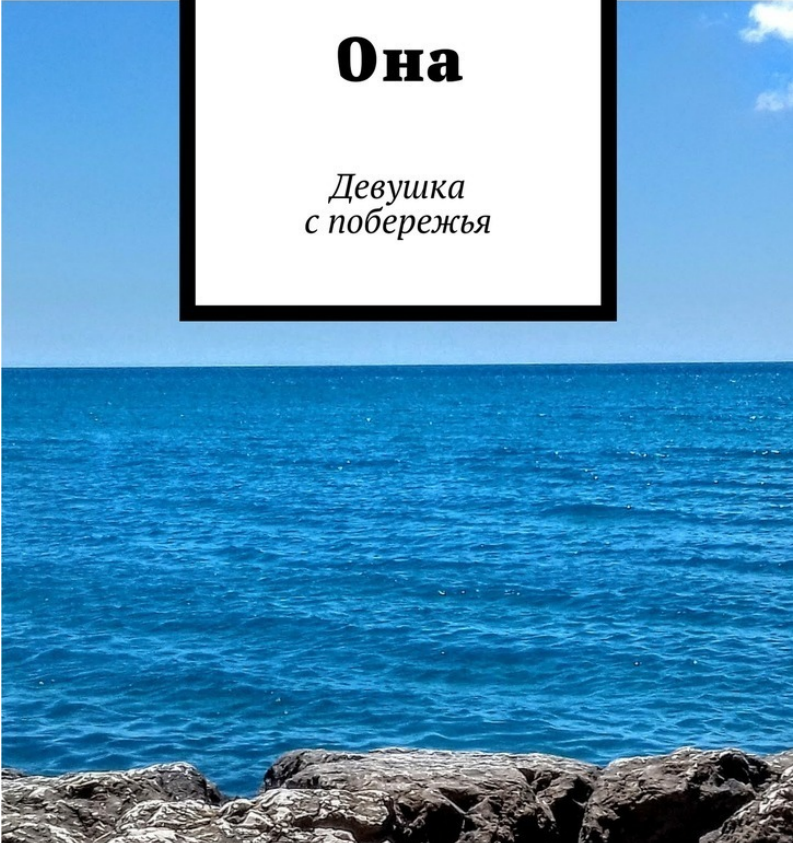

Галия Асан

Она

*Девушка
с побережья*

Галия Асан

Она. Девушка с побережья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21993882

ISBN 9785448330940

Аннотация

Эта история о девушке, жившей когда-то на побережье Средиземного моря. История необузданной страсти и странной любви. Переплетение человеческих чувств и сюжета заставляют задуматься над личностью главной героини. Флоренсия стоит перед выбором – мечты или любовь. Это история об обычных человеческих чувствах, таящих в себе столько необычно прекрасного.

Содержание

Часть I	7
1	7
2	12
3	22
4	26
5	42
6	47
7	59
8	65
9	68
10	71
11	77
12	94
13	98
14	113
15	137
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Она Девушка с побережья

Галия Асан

Посвящается моим родителям. Любовь к вам подвигла меня на написание этой истории. Без вас не было бы меня, а без меня, мир никогда не узнал бы и о Ней.

Огромную благодарность выражаю своим друзьям и братьям. Узы настоящей дружбы всегда самые крепкие.

© Галия Асан, 2018

ISBN 978-5-4483-3094-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта необычная история произошла со мной, вернее, начала свое удивительное приключение длинную в жизнь в ту пору моего веселого и беззаботного детства, когда я верила в чудеса, и голос души звучал настолько громко и ясно, что голос разума почти не был слышен. Это уже позже, я взрослела и понимала, что то-то было не так, как у всех; что вместо одной, я проживала сразу две, совсем несовместимые жизни. Позже мой психолог скажет, что это – раздвоение личности.

Бабушки, читающие молитвы, скажут, что это злой дух, поселившийся в моем теле. Друзья, увлекающиеся медитациями и йогой, скажут, что это моя прошлая жизнь, которую я не забыла и принесла в настоящую. Как бы там ни было, я до сих пор не могу сказать с уверенностью, что происходило со мной на самом деле. Но Она – та девочка, взрослевшая вместе со мной, она останется со мной навсегда. Она знала меня изнутри, хотя я никогда не ассоциировала себя с ней. Мы были разные. Такие непохожие друг на друга. Но были вместе, словно близнецы, связанные неразрывной нитью времени, затерявшейся во временном пространстве. Поначалу я просто видела сны. Я не понимала, как можно говорить с ней, не понимала ее языка. Я просто видела ее жизнь. Солнце, море, теплый испанский ветер. Стук каблуков в страстном танце жизни. И меня увлекли эти мотивы. Я стала прислушиваться к звукам гитары и растворяться в них. До дыр прослушивала старые кассеты, найденные у папы на полке. Мою любовь к Испании было сложно объяснить в российской глубинке. Тогда я даже не мечтала, что однажды две жизни станут одной. Однажды мы снова встретимся лицом к лицу и улыбнемся друг другу, словно не было всех этих долгих лет разлуки и непонимания. А ведь и правду говорят, что судьба – это мост к своей половинке. Моя судьба начала звучать звонкими струнами испанской гитары еще в далеком детстве. Когда я вступила в пору юной молодости, я все еще слышала ее голос. И тогда я решила, что хочу понимать,

о чем она мне говорит. Я выучила испанский язык. Учила по книгам, дома, урывала кое-какие заметки. Она меня учила, своему любимому андалусскому акценту. Когда я стала понимать ее речь, меня все больше увлекала ее история. Она рассказывала мне ее всегда. Но нашим любимым местом был гамак в саду под абрикосовым деревом. Она так ярко и красочно описывала мне своих друзей, что я до сих пор вижу их лица и знаю то, что скрывают их сердца. И его сердце тоже. Того единственного, кому она навсегда отдала свою душу. Навсегда. Звучит странно. А ведь если вдуматься – это навечно. После того, как она рассказала мне про свою жизнь, во мне возникло страстное желание увидеть ее дом. Я решила на это путешествие на ее Родину и взглянула на мир ее глазами. Испания, такая далёкая и ставшая такой родной благодаря Ей, встретила меня теплом и светом, словно ребенка, заблудившегося в темноте. И там, стоя на побережье Средиземного моря, я дала ей клятву, страстное обещание рассказать миру ее историю. Оставить на нашей земле и Ее след. Я долго собиралась и вот она перед вами. История Ее и Меня.

Часть I

Побережье знало немало красивых историй любви, но эта была особенной. Потому что ее рассказала мне Она, та девушка с кудряшками и глазами зелеными, словно зелень Средиземного моря.

1

История эта началась в жаркой и солнечной стране, в Испании. А точнее, на юге Испании. Где солнце, пляж и море являются самым центром всей жизни каждого южанина, и, конечно, футбол, испанский футбол! На момент начала этой истории Флоренсия вступала в пору юности, когда ты уже больше не ребенок, но до взрослого еще далеко. В этой испанке отлично уживались противоречия. Гордая и жизнерадостная, веселая и колкая, неприступная и чувственная. Именно такой была Флоренсия де ла Вега. У нее были две страсти – танцы и футбол. Стук ее каблучков мог свести с ума любого, кого она встречала на своем пути к любви, любви истинной, настоящей, любви навечно. Флоренсия так много слышала о любви, прочла кучу любовных романчиков, ее лучшая подруга, Мария, не переставая говорила о любви

к своему парню, Хосэ. А Флоренсия не знала что значит, любить. Она была красива, красива и привлекательна, вокруг нее всегда было много парней, но искра не пробежала, до того момента, как...

Наступило жаркое лето. Солнце палило, не щадя ни горячий испанский народ, уже привыкший к нему, ни засушливые плато, также прижившиеся с его палящими лучами. Но жарким в Испании оно было еще и потому, что сборная страны по футболу провалилась на чемпионате. Это повергло весь народ в шок, и последовали жаркие споры, от которых не удержалась и наша героиня.

– Флоренсия, перестань, – успокаивала подругу Мария, – Это пройдет, на следующем чемпионате мы обязательно блеснем!

– Ну и что!?

– Это же не конец света! Будет еще чемпионат, и еще, и еще.

– На этих футболистов вообще надеяться нельзя. Интересно, что покажет Реал в следующем сезоне?

– Кстати, о футболистах. Смотри, кто идет, – Мария указала на Фернандо, их лучшего друга и по совместительству капитана школьной футбольной команды.

– Привет, девчонки!

– Ферни, привет!

– В чем дело, Флор? Выглядишь неважно.

– Это был комплимент? – спросила Флоренсия, не понимая его веселья, и надула губы.

– Это из-за чемпионата, – пояснила Мария, закатив глаза.

– Перестань, Флор! Мы всем еще покажем! Следующий турнир Испания обязательно выиграт.

– Ловлю на слове.

– Следующую победу нашей команды я посвящу тебе, если ты перестанешь дуться и начнешь, наконец, улыбаться, – Фернандо улыбнулся своей очаровательной улыбкой.

Он был самым красивым парнем на Побережье, по мнению большинства из женской половины района. Темные волосы отлично сочетались с его синими глазами, у него была отличная фигура, загорелая кожа. Он пользовался популярностью у девчонок.

– Ты и так посвящаешь все победы мне! – сказала Флоренсия, не замечая его шарма.

– Какая же ты жестокая, Флор, – вздохнул Фернандо.

– За это вы меня и любите, – она улыбнулась. Ямочки появились на ее щеках. Ее зеленые глаза сияли, темно-каштановые кудряшки развевал теплый испанский ветер.

– Да, любим, – тихо сказал он, – Ладно, девчонки, мне пора. Пока! Увидимся!

– Пока, Нано! – сказала Мария, она была единственной,

кому позволялось его так называть.

– Ты это слышала? – спросила удивленно Мария, когда парень ушел.

– Ты о чем? – загадочно улыбаясь, спросила Флоренсия, хотя она отлично понимала, что подразумевала подруга. Они отлично понимали друг друга, дополняли, были как две части одного целого.

– Мы выиграем следующий чемпионат! – улыбнулась та.

– Мария! – капризно сказала Флоренсия, замахав руками, – Ты ведь не это заметила в его словах?

– А что? Футбол – это ведь важнее всего! И можно днями горевать о проигранном чемпионате, а все остальное – ерунда!

– Прости, подружка, если я докучала тебе своими разговорами о проигрыше. Депрессия прошла!

– И кто же этот прекрасный принц, кто разбудил тебя ото сна? – она загадочно улыбнулась.

– Нет! Нет! И нет! Мы ведь друзья.

– Да, да, да, Флоренсия! Вы отличная пара! Вы созданы друг для друга! Подумай над этим. К тому же, у тебя нет парня, а ты давно об этом думаешь.

– Как ты узнала?

– Мы ведь подруги, Флор, конечно, я вижу, что тебе очень хочется любить, хотя ты и строишь из себя снежную королеву.

– Хорошо. Я подумаю о Ферни, о любви к нему, – Фло-

ренсия нахмурилась.

– Нет, не так, – улыбнулась Мария, – О любви не надо думать, ее надо чувствовать.

– Хотела бы я быть хоть немного на тебя похожей. Испу-
паемся?

– Да! – подруги побежали в теплое Средиземное море.

2

Прошло несколько дней, в течение которых Флоренсия пыталась убедить себя в том, что, то, что происходит у них с Фернандо называется любовь. Они были лучшими друзьями с самого детства, отлично понимали друг друга. Он был хорошим парнем, всегда ее понимал, всегда приходил ей на помощь, был ее лучшей подругой в мужском облике. Но чего-то все-таки не хватало, Флоренсия не могла понять чего. Ей было приятно находиться с ним рядом, она ему доверяла. «Может быть, это все ерунда, – думала она, – и это и есть любовь? И нечего ломать голову сейчас, все произойдет само по себе». К тому же ей совсем ненужны были отношения сейчас, когда школа осталась позади, и надо было думать о будущем, которое казалось таким размытым. Мария знала, чему себя посвятить. Она хотела петь всю свою жизнь, поэтому уже присматривалась к вокальному факультету в местном колледже искусств. Было решено, что Флоренсия тоже будет учиться там, только на отделение хореографии. Но ее увлекали большие мечты, большие города и далекая страна, о которых она не рассказывала даже лучшей подруге.

– Мария, я не знаю, что мне делать! – заявила Флоренсия, едва Мария открыла дверь.

– Проходи, подружка, сейчас разберемся! И, кстати, у меня тоже есть новость для тебя.

– Пообещай мне, что это пройдет, и завтра я уже проснусь, не думая об этом!

– О чем, Флоренсия?

– О моем первом поцелуе! Пожалуйста! – она взяла Марию за руку, когда они зашли в кабинет.

– Флор, это ведь не трагедия! У тебя наоборот преимущество.

– Преимущество!?! Тебе легко говорить! У тебя ведь есть парень, и вы с ним уже целовались и еще даже больше того!

– Тише, не кричи ты так!

– А мне шестнадцать! И у меня еще не было первого поцелуя! Какая же я южанка? Ведь во мне столько страсти, а ей просто некуда выйти наружу.

Хулио, старший брат Марии, проходил в этот момент мимо кабинета со своим лучшим другом Хосэ.

– Это и есть королева Побережья, Флоренсия де ла Вега? – с сарказмом спросил он Хосэ.

Тот кивнул. Хулио усмехнулся. Он был немногим старше сестры, но считал себя взрослым. Он практически не знал Марию. После смерти их матери, много лет назад, его забрала бабушка на воспитание, а Мария осталась с отцом, кото-

рый так и не женился. Хулио жил с бабушкой в ее роскошном доме в центре города, редко приезжал к отцу, учился в частном колледже, мечтал поступить в Саламанку. Единственной его страстью, не подвергшейся цензуре со стороны всевластной бабушки и отца, было море. Он занимался парусным спортом и достаточно преуспел в этом. Конечно, страсть могла перерасти в нечто большее, если бы не семейный долг владельца апельсиновой плантации.

– Не недооценивай ее! – предостерег его Хосэ.

Только вот Хулио не обратил внимания на его предостережение. Его можно было вполне понять. Он никого не боялся, кроме себя. Гордый, до помешательства гордый испанец. Он был красив: черные, как смоль волосы, черные глаза, осанка. Бабушка баловала его как могла. Золотой мальчик, вот какой был Хулио Эрнандес.

– Ты так много о ней говорил, что я решил, что она действительно хороша, а она даже не целовалась. Не удивлюсь, если она страшная, как смерть.

– Да ты с ума сошел, она – красотка, но и сам увидишь это. Здесь на Побережье невозможно скрыться от влияния Флоренсии. А теперь пойдем лучше на пляж! – предложил Хосэ. Они вышли.

– Пойдем на пляж, Флор, погода сегодня прекрасная!

– Сначала ты пообещаешь. Здесь был Хосэ? – удивилась

Флоренсия, услышав звук закрывающейся двери.

– Да, он приходил утром.

– Вы до сих пор скрываетесь?

– Да, Флор, теперь это стало в два раза сложнее.

– Это так несправедливо, вы ведь любите друг друга! Ах,

Мария, пообещай мне, что и я встречу свою любовь скоро!

Пообещай, Мария! Иначе, я никуда не пойду! – настаивала

Флоренсия.

– Хорошо, Флоренсия, я обещаю тебе, что как только за-

кончится этот день, у тебя уже не будет проблем с первым по-

целуем. Придется подговорить Ферни, – усмехнулась она, –

А что насчет любви, то это дело Бога. Пойдет? – улыбнулась

Мария, – от моего обещания что-то изменилось?

– Конечно! Мария, чтобы я без тебя делала? – подружки об-

нялись, – Вроде бы глупость, а легче сразу стало. Это будет

Фернандо, – подружки вышли из дома по направлению к пля-

жу, который находился всего в нескольких шагах.

– Ферни? Ты решила?

– Да, а кто же еще! Я доверяю ему, он классный! О, Ма-

рия! Это так сложно – любовь! Почему не существует учеб-

ника по тому, как распознать и найти ее. А ведь это было бы

намного полезнее всех остальных знаний. Я могу влюбить

в себя любого парня на пляже, хотя бы этого, или этого, или

вон того, – она показывала на парней и мысленно представ-

ляла себя рядом с ними – А может, вон того, – взгляд Флоренсии упал на красивого брюнета с гордой осанкой. Ее словно окутала пелена света, сердце ее забилося, на ладонях появилась легкая испарина, она влюбилась, – Мария, а ты веришь в любовь с первого взгляда?

– Конечно! Любовь витает в воздухе, а ты про кого? – она обернулась в сторону, в которую с таким упоением смотрела ее подруга, и открыла рот от изумления – Только не в него, Флор! – увидев брата, Мария опешила.

Хулио почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд и обернулся. Самая красивая на земле девушка смотрела на него своими зелеными глазами, словно зелень Средиземного моря. Он не мог оторвать взгляда от нее.

– О! Все, ты попал! Не смотри так на нее! – одернул его друг.

– Ты о чем? Она прекрасна! Смотри, какие кудряшки, а глазки, ох, она сразила мое сердце, ты ее знаешь? Только не говори мне, что тебе она тоже нравится, ты же встречаешься с моей сестрой.

– Откуда ты знаешь? – Хосэ был в недоумении. Они так искусно скрывали свою связь, что он просто не мог понять, как Хулио мог догадаться.

– Мы ведь друзья, Пепе, а ты мне ничего не сказал, – с укором произнес Хулио.

– Прости, и не называй меня Пепе.

– Это тебе в наказание.

– Я думал, что ты будешь против, как и твой отец.

– А разве папа против ваших встреч?

– Ведь Мария еще маленькая.

– Не такой уж ты и старый, – он толкнул друга в плечо, –

К тому же вы играете и поете в одной группе.

– Мы из разных семей, Хулио. И я не учусь в колледже, как ты.

– Кому какая разница! На дворе двадцать первый век, Хосэ, мы уже давно пережили эти древние предрассудки.

– Но, тем не менее, живем мы не одинаково.

– Вы любите друг друга, а это самое главное. Хотел бы и я влюбиться, – он посмотрел на Флоренсию

– Только не в нее.

– Да почему же? Кто она?

– Это Флоренсия, друг! Королева Побережья! Она разобьет твое сердце быстрее, чем самый хрупкий хрусталь.

– Ах, это она! Да, хороша, не поспоришь, но не думай, что я влюбился с первого взгляда. Я вообще не создан для такой глупости. Мое сердце? Ерунда! Она конечно, чертовски красива!

– Чертовски, это ты правильно подметил. Ее зовут у нас «бесенок».

– Бесенок? Но я ведь тоже не ангел!

– Почему не в него, Мария? Ты знаешь его? Только не говори мне, что он тебе нравится, вы же с Хосэ. Мария, ты разлюбила Хосэ? Но это не возможно! – за минуту Флоренсия произнесла больше слов, чем можно было себе представить.

– Он, впрочем, и был той новостью, которую я собиралась тебе сообщить. Это мой брат, Хулио.

– Тот ужасный гордый балбес?

– Он самый.

– Но ты не предупреждала, что он чертовски красив.

– Именно, чертовски! Он дьявол, Флор! У него совсем нет сердца! Лучше не иметь с чертом ничего общего!

– Мария, я ведь тоже не ангел!

Хосэ и Хулио подошли к девчонкам.

– Привет, любимая, – сказал Хосэ, Мария с недоумением посмотрела на него. Хулио улыбался.

– Он все знает, – признался Хосэ.

– Ты рассказал ему?

– Я и сам все понял, я не слепой, Мария.

– Да, мы это заметили, – усмехнулась Флор, Хулио с интересом ее разглядывал.

– Я думаю, вас стоит друг с другом познакомиться, – спохватившись, сказала Мария.

– Да, думаю, вы это заслужили, – рассмеялся Хосэ.

– Я – Флоренсия, думаю, ты уже это знаешь, – сказала Флоренсия, как всегда в своем стиле, не дождавшись пока ее

представят, и протянула ему руку.

– Да, я слышал о тебе, Флоренсия с Побережья! – ответил он, но руки ее не взял. Это ее, естественно, обидело.

– Видимо моя слава простирается по всей Испании! – улыбнулась своей знаменитой всепобеждающей улыбкой Флоренсия.

– Ты слишком большого о себе мнения, – сказал Хулио и посмотрел на Хосэ.

Тот стоял и делал вид, что ничего особенного не происходит. Он, как и Мария, прекрасно понимал, что Флоренсия проделывает сейчас один из своих трюков.

– А разве ты не считаешь меня красавицей? Иначе ты бы не смотрел так на меня! – она подошла к нему ближе и смотрела прямо в глаза, гипнотизируя его.

– Я всего лишь помню тебя еще с детства, – Хулио сделал шаг назад, отгораживаясь от ее распирающей энергетики.

– Значит, я уже долгие годы не выхожу у тебя из головы? – произнесла она, и у Хулио открылся рот от удивления. Никогда он не встречал такой девушки!

– Ну, понимаешь, просто твоя страсть, которая не может выплеснуться наружу, не дает мне покоя, – рассмеялся он, и она поняла, он подслушал их утренний разговор с подругой.

– Моя страсть? Сейчас ты увидишь ее! – она подошла

к нему совсем близко и поцеловала.

Все случилось в порыве, какая-то сила, неведомая Флоренсии подтолкнула ее к нему. Это были ее чувства. Он ответил на ее поцелуй. Осознав, что она сделала, она отпрянула от него. Его черные глаза впились в ее зеленые. Он улыбнулся.

– С почином, Флоренсия! – «Да как он смеет!»

– Глупыш, и ты повелся!? Почин у меня еще давно. Языком тоже работать надо, тогда лучше получается! – она улыбнулась и собиралась уйти. Его рука остановила ее.

– Что ты сказала? – это был сильный удар по его самолюбию.

– Я еще не успела уйти, а ты уже сходишь с ума! – нарочно громко сказала Флоренсия, – Что-то ты быстро сдался!

– Я не сдаюсь, никогда!

– Мне сдаются все! – она отдернула свою руку, и они ушли.

Хулио все еще был в недоумении.

– Ты это видел? Это нормально? – не унимался он.

– Это Флоренсия, Хулио. Флоренсия – королева Побережья!

– Кто бы она ни была! Как она смеет так общаться со мной!? Языком работать?! Это еще что? Это же ее первый

поцелуй! Я уверен!

– Ну, ты можешь показать ей на фиесте в субботу, как надо целоваться!

– И покажу! Как вообще можно быть такой?!

– Ну, все, приемчики работают! Теперь ты попал надолго.

– Никуда я не попал! Я просто посажу эту маленькую выскочку на место!

– Конечно, не попал. Она уже ушла, а ты до сих пор говоришь о ней. А думать будешь еще и до самой фиесты!

3

И он действительно думал. Ее образ все не выходил у него из головы. Когда черный скутер подъехал к пляжному кафе, все его мысли были заняты только ею. Из кафе доносились звуки севийяны. Он уже знал, что в этом районе так было принято, они собирались и играли, самая любимая группа Побережья, так до сих пор и не придумавшая себе названия. Хосэ – играл на гитаре, одаривая публику звуками, доходившими до самого сердца, Мария – пела ему в такт, вызывая самые потаенные эмоции, и Флоренсия – танцевала, сводя с ума своими движениями.

Едва войдя внутрь, он начал искать ее глазами. Видимо она тоже ждала его, их взгляды встретились.

– Смотри, как нужно разбивать милые детские сердца, – сказал он, подойдя к Хосэ, вполголоса, а затем громче, – Здесь даже девушек симпатичных нет! Я уйду! – он обернулся, чтобы выполнить свое намерение.

– А как же поцелуй? – удивился Хосэ, настраивая гитару.

– Смотри, она не даст мне уйти.

На минуту она опешила.

– Почему он уходит, Мария? Он ведь только пришел, –

спросила Флоренсия.

– Видимо, ему никто здесь не нравится. Не знаю, подружка, никогда не понимала своего брата.

– Хулио Эрнандес, – крикнула Флоренсия через весь зал, на ходу придумывая причину, почему он должен остаться, музыка стихла. Он обернулся, – Мы поздравляем нашего победителя! Поприветствуйте его! – Он удивленно обернулся в ее сторону, – Ну что же ты стоишь? Иди сюда! – сказала она, – Народ, не медлим, хлопаем!

Ничего не понимая, все, тем не менее, начали хлопать. Они уже знали, чтобы не придумала Флоренсия на этот раз, все равно будет интересно. Хулио медленно начал продвигаться в центр зала, не зная, к чему все это приведет. Но ему явно нравилось всеобщее внимание. Когда он подошел совсем близко, она произнесла:

– Он выиграл конкурс на самый ужасный поцелуй! Видимо в Центре не умеют целоваться!

Все засмеялись и зааплодировали громче. Флоренсия знала, как подзадорить своих друзей. Люди с побережья не любили тех, кто из центра. Хулио был готов провалиться на месте. Никогда в жизни его еще так не позорили. Все замерли в ожидании ответа Хулио. Это была знаменитая битва Побережья. Хулио знал об этом, Хосэ часто рассказывал ему о них, он также рассказывал, что Флоренсия всегда выходит

ла в них победительницей.

– Вряд ли южанка, которая впервые поцеловалась в шестнадцать лет, может говорить о поцелуях! И вообще, Флоренсия, ты маленькая, избалованная дурочка, которая ничего не понимает в жизни. Я не собираюсь играть в твои игры. Прощай. Ах, да! Я же совсем забыл, зачем пришел, – он пригнул ее к себе и впился в ее губы своими. Все начали одобрительно свистеть и хлопать.

– Хулио, ты – моя самая легкая победа! – сказала Флоренсия, оттолкнув его.

– Флоренсия, победы бывают в играх. А я не играю в твои! Я пришел сюда, чтобы показать тебе, как надо целоваться. Все! Прощай! – он быстро вышел из кафе на террасу. Она вихрем побежала за ним.

– Какие игры, идиот? Это моя жизнь! – кричала она ему вслед.

Высоко в небе светила яркая луна, воздух был пропитан ароматом апельсинов, звук ее голоса сводил его с ума. Он сжал кулаки, стараясь прогнать новое, незнакомое ранее чувство.

– Я тебя ненавижу, – произнес он, и с шумом развернув свой скутер, скрылся.

– Я тебя тоже! Ненавижу! – кричала Флоренсия в воздух,

моля, чтобы он донес эти слова до его слуха, – Мария, я ненавижу твоего брата, – призналась она подруге.

– Придется тебе его потерпеть, он пробудет на Побережье все лето, бабушка уехала из города, его оставила с отцом.

– Я этого не вынесу, Мария.

– Флоренсия, не говори глупостей! Ты же Королева Побережья! Это твоя земля и здесь решаешь ты.

– Ты права, я превращу его жизнь в кошмар! Это лето запомнится ему навсегда!

Дни шли, и нечто странное происходило с Флоренсией. Она не хотела говорить о нем, не хотела думать, но ее сердце выбирало противоположное. До приезда Хулио на Побережье было совершенно естественным каждый день приходиться к Марие и обсуждать с ней все новости района, парней и фиесты. Но теперь каждый раз, когда она собиралась к подруге, она думала, что, возможно, она встретит там его. И это меняло все. Она ненавидела его. Но ей так хотелось выглядеть лучше для него, быть красивее. Она тщательно подбирала одежду, сгрузив на кровати все вещи из шкафа. Юбка казалась слишком простой, кофта слишком прямой, в сторону летела все новая непрошедшая проверку одежда. Наконец, разозлившись на саму себя и на него, она надела обычную футболку с надписью «А тебе слабо?» и джинсовые шорты.

- Добрый день, сеньорита, – дверь открыла Марта, горничная дома Эрнандес.
- Привет, Марта, Мария у себя?
- Да, проходите. В своей комнате.

Путь в комнату Марии был так ей знаком. Пересечь гостиную, по лестнице наверх и направо. Сколько раз она ходила этой, уже ставшей родной, дорогой. Хотя дом Эрнанде-

сов и создавал мрачное впечатление, особенно в дни, когда здесь гостила донья Мерседес, мать главы семейства, но эта часть дома была для Флоренсии близкой. Она уже собиралась открыть дверь в комнату подруги, как услышала женский смех из соседней комнаты, дверь в которую оставалась открытой. Она подошла ближе и увидела смеющуюся девушку рядом с Хулио. Он заметил ее в дверях и встал ей навстречу. Она поздоровалась первая. Вместо ответа он оглядел ее с ног до головы, особенно задержался на причудливой надписи, на груди. Улыбнувшись, он захлопнул перед ней дверь. В ней поднялась буря эмоций, и она с силой стукнула кулаком по его двери.

– Мария, твой брат – идиот! – она влетела в комнату подруги.

Хулио закрыл дверь и вернулся к девушке.

– Кто это был? – спросила Вики.

– Одна сумасшедшая, подруга моей сестры, – он сказал это, и услышал ее стук в дверь. Представив себе ее лицо в этот момент, он улыбнулся. Ее мучения доставляли ему удовольствие.

– Флоренсия?

– Да, именно она.

– Почему ты улыбаешься?

– Потому что она так злится на меня, она очень недовольна сейчас.

– Почему? – Вики ничего не понимала.

– Потому что она странная, но красивая, очень красивая.

Но нет.

– Что нет?

– А, забудь! Тебе она нравится?

– Флоренсия очень харизматичная и живая, дружить с ней у нас считается верхом счастья, но ее единственной подругой всегда была и есть только Мария.

– Ведь действительно, что-то необычное есть в ее взгляде?

– Ну, взгляд, как взгляд, Красивые глаза, да, зеленые.

– И в голосе что-то есть.

– Голос, возможно хороший, но она никогда не поет на фиестах, это дело Марии.

– Есть что-то еще, не могу пока понять что именно.

– Ты странный, Хулио, мы так и будем говорить о ней?

– Нет, забудь ее, как сделал это я.

– Нахал! – Флоренсия не унималась.

– Прошу тебя, успокойся, Флор. Он же услышит.

– И пускай слышит! Нахал! – она стучала в соседнюю стенку.

– Что он сделал?

– Я с ним поздоровалась, а он закрыл передо мной дверь!

– Ну, это можно объяснить двумя причинами, либо он хо-

чет привлечь твое внимание, либо он просто нахал.

– Он нахал, который хочет привлечь мое внимание, – дала ему описание Флоренсия, – Но я не буду ни думать, ни говорить о нем!

– Отлично, с ним покончено?

– Покончено, но, Мария, каков нахал все же!

– Это точно. Ты уже приготовила купальник? Я слышала, что огненный цвет будет очень популярен в этом сезоне.

– Если он и дальше так себя будет вести, то самым популярным будет кровавый. И кто она вообще такая?

– Флор!

– Я просто хочу знать.

– Виктория, из девятого класса, ты ее знаешь.

– А, малышка, и что она делает с ним? И твой отец знает, что он водит к себе несовершеннолетних девушек?

– Флор он и сам несовершеннолетний и ему можно, он же Хулио!

– Как несправедливо.

– Это твое любимое слово в моем отношении в последнее время.

– Это потому что я люблю тебя и хочу, чтобы ты была счастлива, а за свое счастье надо бороться, – Флоренсия подошла к подруге и обняла ее.

– Я буду, Флор, до последнего вздоха.

– И все-таки, чем они там занимаются? – Флоренсия подошла к окну, стараясь заглянуть в соседнюю комнату.

– Я уверена, что они просто друзья.

– Мне не нравится эта дружба, – серьезно сказала Флоренсия.

– И что ты собираешься делать?

– Разрушить эти отношения! Все его отношения! У него не будет друзей на Побережье. Ну, кроме Хосэ, он уже давно в стане врага.

– Девочки всегда с ума по нему сходят, это будет нелегко.

– А мальчики сходят с ума по мне. И где сейчас наш Фернандито?

– Не вмешивай Нано в свои грязные делишки, – недовольно сказала Мария. Флоренсия подмигнула и начала набирать номер.

– Ферни, привет! Мне очень нужна твоя помощь! Это вопрос жизни и смерти. Моей жизни. – В нашем кафе? Да, да конечно. Спасибо, дорогой! – Мария неодобрительно покачала головой.

– Я сказала правду. От этого зависит наша жизнь такая, какая она есть сейчас. Потому что он может все здесь изменить.

– Мне кажется, ты драматизируешь, он ведь уедет в конце лета, – в дверь постучали, – Войдите! – сказала Мария.

– Привет, девочки! – это была Вики.

– Привет, Вики, проходи.

– Что тебе нужно? – недовольно спросила Флоренсия.

– Флор, пожалуйста!

– Просто сказать «Привет», я была у Хулио и решила поздороваться и с вами. Кажется, хорошая идея.

– Да, идея просто отличная. Сначала «Привет», а потом «Пока». Привет ты уже сказала, пришла очередь второго слова, – деланно улыбнулась Флоренсия, которой не терпелось отделаться от незваной гостьи. Вики в недоумении посмотрела на Флоренсию.

– Присаживайся, Вики, – Мария смерила подругу взглядом, приглашая девочку сесть.

– Спасибо, – улыбнулась та.

И тут Флоренсию осенило. Она под села рядом, и, взяв ее за руку, учтиво произнесла:

– Вики, что между вами?

– Ничего, Флор, мы просто друзья.

– Это плохая дружба, понимаешь?

– Нет, почему?

– Потому что он сходит по мне с ума, он любит меня, а тебя просто использует, ведь, правда, Мария?

– Да, – та кивнула, в очередной раз, соглашаясь с безумствами подруги.

– Но мне он сказал все то же самое, только наоборот.

– И что он тебе сказал?

– Что тыходишь по нему с ума.

– Я его не-на-ви-жу, – произнесла Флоренсия по слогам, –

Каков нахал! И людей, которые с ним дружат, тоже. Понимаешь теперь? Если хочешь стать одной из неудачников школы, оставайся с ним, ты знаешь, кто я. И ты знаешь, что я могу сделать с твоей репутацией на районе.

– Флор, я не хочу проблем с тобой! Он мне не особенно-то и нравится. Он очень странный тип.

– Ты хорошая девочка, Вики, – Флоренсия похлопала ее по руке, – Эта война только между нами, поэтому оставь его сейчас. Хочешь крутое место на игре нашей команды?

– Конечно!

– Тогда скажи ему, что не будешь больше с ним дружить, ну, придумай что-нибудь.

– Да, мы как раз договорились встретиться сегодня в кафе.

– Вот и отлично! Мы как раз тоже туда собирались, да Мария? – По взгляду Марии было видно, что с нее достаточно сюрпризов, но она кивнула.

Но он не должен знать, что это я тебя подговорила.

– Да, конечно, пока, девочки!

– Пока!

– Это было легче, чем я думала, – сказала Флоренсия, как только дверь за девчонкой закрылась.

– Флор, но ведь ты не можешь избавиться от всех его подруг.

– Возможно, но я попытаюсь.

– Я восхищаюсь тобой, подруга! И люблю тебя!

– И я люблю тебя, дорогая моя!

Хулио, отправивший свою новую подружку разузнать у Флоренсии больше о ее чувствах, и подумать не мог, что это обернется против него. Он мило попивал свой любимый газпаччо вместе с Хосэ в кафе, ожидая свою новую подружку с новой информацией о сумасшедшей девушке с кудряшками.

– Тебе не нравится футбол? – удивлялся между тем Хосэ, – но это ненадолго.

– Почему?

– Здесь все живут футболом, и ты заживешь.

– Но я здесь ненадолго, – словно сам себя уговаривал Хулио.

– Уедешь в конце лета?

– Да я бы и не оставался здесь и до конца лета, если бы бабуля не решила провести в своем Милане все лето!

– Тебе настолько здесь не нравится?

– Ты что, обижаешься?

– Ну, мы ведь друзья.

– Хосэ, ты мне кажешься единственным адекватным человеком в этом районе. Здесь все такое другое, не так, как у нас в Центре. Такое ощущение, что жизнь застыла здесь сто лет назад. Эти побратимские отношения, битвы, вы даже на дискотеках танцуете севийану, когда весь город зажигает под поп или арэнби.

– Ну, тогда это не комплимент. Жизнь нашего района, на первый взгляд, может показаться странной, но эта та жизнь, которая течет по твоим венам, и только она может утолить твою страсть. Не забывай, ты здесь родился, а от корней невозможно избавиться. Неужели я один нормальный? – рассмеялся Хосэ.

– Ну и есть еще один парень, я познакомился с ним вчера, Фернандо, кажется, его зовут.

– Ах, он.

– Он тебе не нравится?

– Он слишком хороший.

– Кажется, он много времени проводит с моей сестрой и этой сумасшедшей.

– Не будешь называть ее имя?

– Не буду, теперь буду просто называть ее Она. Она и все ясно.

– Да, они дружат с детства.

– Да, это мило. Но я не верю в дружбу парней и девчонок, кто-то должен быть влюблен.

– Ты думаешь, Мария тайно в него влюблена? – испуганно спросил Хосэ.

– Я не знаю, а зачем ей тогда встречаться с тобой?

– Тогда это Флоренсия! Точно! – заключил Хосэ.

– Нет, нет! – забеспокоился Хулио.

– Почему? – удивился Хосэ.

– Я не верю, что она вообще может любить.

– Ты ошибаешься. Ты сделал монстра из этой девочки. Она очень чувствительная, она так хорошо ловит ритм. И не забывай, она лучшая подруга моей любимой.

– Да, и моей сестры.

– А вот и они, – Хосэ посмотрел в сторону великолепного трио: Мария, Флоренсия, Фернандо, – Когда-нибудь я набью ему морду, зачем постоянно ходить с девчонками? – разозлился ревнивый Хосэ, – А вот и твоя девочка идет, – он указал на приближающуюся к их столику Вики.

Хулио явно нравилось это совпадение. Как хорошо, что все это произойдет на глазах Флоренсии. Она, как раз, прибывает в хорошем настроении после утренней вспышки гнева.

– Вики, дорогая, – он поднялся и обнял ее.

Он сделал это так умело, что она почти передумала давать ему отставку, но пристальный взгляд Флоренсии вернул ей уверенности.

– Не называй меня так, Хулио, – она отошла от него, стараясь не попадать в зону его высокого напряжения.

– Почему? – он провел рукой по ее волосам, и она уже собиралась передумать, но взгляд Флоренсии вернул ей уверенности. Ведь та все также пристально за ними наблюдала.

Он не смотрел в ее сторону, но чувствовал это.

– Потому что, между нами все кончено.

– Но, подожди, как? Почему? Когда?

– Сейчас. Ты все равно уезжаешь в конце лета, а я не хочу тратить время зря. Прощай!

– Хорошо, но ты узнала о том, что я просил?

– Она тебя не любит, – сказала Вики и, посмотрев на улыбающуюся Флоренсию, вышла из кафе.

– Я в шоке от ваших девчонок, сумасшедшие все какие-то, – явно расстроенный Хулио сел за стол и посмотрел в ее сторону. Она торжествовала.

– Просто девочки на побережье более продуманные, они не хотят тратить свое время зря на парней из центра, – смеялся этому глупому объяснению Хосэ.

– Как будто я из другой Вселенной. Я ведь даже не из другой страны, не из другого города, я просто из другого района! А знаешь, она еще пожалеет.

– Ты о какой из них? – усмехнулся Хосэ.

– Да обо всех! Я стану Королем этого Побережья!

– За одно лето?

– Я останусь здесь навсегда! Пойду в местный колледж и стану здесь своим человеком!

– Но, ты учишься в лучшем колледже города, после него поступают в Саламанку. Ты променяешь его на наш?

– Мне все равно! Я так хочу. Только пока никому не слова, – он увидел приближающуюся сестру.

– Любимый! – Мария обняла Хосэ, – привет, Хулио.

– Садись, Марикита.

– Ты в детстве меня так называл.

– Возвращаются старые добрые времена. А почему твои друзья к нам не присоединятся?

– Почему бы вам не поладить с Флоренсией? – спросил Хосэ, – Из-за этого мы не можем вместе сидеть за одним столом.

– Ферни, ты чудо! – Флоренсия взяла его под руку, и пристально посмотрела на Хулио. Они сели за барную стойку.

– Флор, ты говорила это важно. Я пропустил тренировку ради тебя.

– Ферни, это и было важно, но я выиграла сражение своими силами, но ты мне нужен без сомнения. Это все этот дурак, Хулио!

– Боже мой, Флоренсия! Опять он. Он хороший парень.

– Только не ты! Не переходи в стан врага! Не оставляй меня! – она повисла у него на плече, за чем с интересом наблюдали три пары глаз с противоположной стороны зала.

– Он брат моей лучшей подруги, Флор.

– Не разговаривай с ним, он плохой тип.

– Ферни, Флор, идите сюда! – их позвал голос Марии.

– Пойдем, – он потянул ее за руку, его прикосновение показалось ей таким теплым и родным.

– Я не хочу туда идти, там он! – сопротивлялась Флорен-

сия.

– Просто не думай о нем. Там ведь наши друзья.

– Да, ты прав, но сначала мне кое-что нужно от тебя.

– Что?

– Посади Вики Гомес на хорошее место на следующей игре.

Флор, я не могу постоянно сажать на хорошие места твоих подруг, парни уже злятся на меня за это.

– Я тебя люблю, – она поцеловала его в щеку, и легкие мурашки прошлись по его загорелому телу, он сжал ее руку сильнее.

Кровь ударила в голову Хулио при виде этой сцены, которая разворачивалась уже совсем близко от их столика. Он резко встал, как раз в тот момент, когда они подошли.

– Как это мило, и совсем не похоже на тебя, – она похлопала Хулио по плечу, – вставать при появлении дамы, в тебе все же есть что-то от кабальеро.

Он хотел бросить ей что-нибудь в ответ, но слова не шли.

– Я всего лишь собирался уйти, а не то, что ты там себе намечтала, – бросил он, уходя.

– Уф! Наконец-то понял, что тебе среди нас не место! – взорвалась Флоренсия. Он обернулся и вернулся обратно.

– Я, пожалуй, останусь, – Флоренсия и Фернандо сели рядом, воцарилось молчание.

Она явно не хотела находиться в его компании.

– Флор, будем разучивать новые движения на следующей репетиции? – Хосэ попытался внести некоторое оживление в беседу.

– Да, я хочу добавить немного резкости, страсти, – включилась Флоренсия, – Может быть, пару поворотов, – Хулио усмехнулся.

– Что смешного? – кинула она ему.

– Понятно, почему в ваших танцах не было раньше страсти.

– Почему же?

– Потому что главная танцовщица ее еще не познала.

– Что ты имеешь ввиду? – она пристально посмотрела на него. Он одарил ее оценивающим взглядом, от которого мурашки пошли по коже, – Если тебе так не нравится эта самая танцовщица, почему же ты сидишь с ней за одним столом? – заключила она.

– Не беспокойся, я уже ухожу, – он взял свой шлем и встал, также пристально глядя на нее.

– Ах да! Я знаю, потому что больше никто на Побережье не хочет с тобой дружить! – воскликнула Флоренсия.

– Что? – он рассмеялся, – Так это ты? Это ты отвадила

ее от меня? Флоренсия, да ты выдаешь себя, – он подошел к ней ближе, – Ты без ума от меня, – прошептал он.

– Да что ты такое себе намечтал?! Спорим, до следующей фиесты ты будешь уже в меня влюблен!

– Нет.

– Боишься?

– Конечно, нет! Ты и так моя, – он провел рукой по ее волосам. Но не так, как делал это с Вики. Казалось, как только его рука дойдет до конца длины, он схватит их и вырвет с корнем.

– Ты боишься, – констатировала его состояние Флоренсия.

– Я ничего не боюсь. Пари, так пари. Слушайте все! До следующей фиесты эта красотка станет моей, – он подмигнул ей и вышел из кафе.

За тем, как он важно шел к своему скутеру, как перекидывал ногу на сидение, как застегивал шлем, уже не следил никто, все были заняты обсуждением этого пари. Никто, кроме нее. Она не могла скрыть своей улыбки. Он ведь назвал ее «красоткой». За тяжелым фундаментом непробиваемой уверенности в себе скрывалась маленькая кудрявая девочка, которой так хотелось добрых слов. Люди в кафе, в большинстве молодежь с района и пара заезжих смеялись над их дерзостью, молодостью и смелостью.

Возвращаясь домой этим вечером, она могла позволить

себе думать о нем, ведь теперь у нее должен был появиться план по его завоеванию. Фернандо был прав, она слишком много думала об этом парне. Но ведь она никогда не контролировала свою душу, и сейчас не собиралась этого делать. К счастью, была летняя пора, и экзамены давно прошли. Иначе она бы ни за что не могла сконцентрироваться на этом. Единственное о чем сейчас надо было думать, это будущая карьера, но однозначного ответа на вопрос, где она хочет учиться, у нее не было. Она хотела стать актрисой. У нее неплохо получалось, и она это любила. Родители ее поддерживали. Оставалось только выбрать место учебы. Она хотела уехать из страны. Эти мысли приходили все чаще. Учиться в Нью-Йоркской академии киноискусства – это была ее голубая мечта, о которой она никому не говорила, даже Марии. И не потому, что не доверяла, наоборот, доверяла даже больше, чем себе, потому и боялась, что та может отговорить ее.

Как хорошо, что лето только начиналось, жаркое южное лето, самое жаркое в ее жизни. Она поднялась к себе, распахнула окно и вдохнула соленый морской бриз. За окном стоял прекрасный вечер. Как же трудно было ей оставаться наедине со своими мыслями. Впервые в жизни один парень занимал все ее мысленное пространство. «В нем нет ничего, достойного моего внимания. Кроме, вероятно одного, он действительно хорошо целуется, – говорила с собой Флоренсия, – А может все делают это хорошо?»

5

Мария вернулась домой и едва войдя, услышала громкий голос отца, доносившийся из кабинета. Он разговаривал с Хулио повышенным тоном, чего никогда раньше себе раньше не позволял. Хулио был любимчиком бабушки, чего не скажешь о Марии. Поэтому ругать его не позволялось даже отцу. И он искренне любил обоих детей и оберегал их. Мария объясняла это тем, что отец старался заменить им рано ушедшую из жизни мать.

– Сын, ты сошел с ума! Ты хочешь разрушить свою жизнь?

– Не драматизируй, отец. Я так решил. Я так сделаю.

– Но ты учишься в лучшем колледже города, после окончания которого, поступишь в Саламанку, разве ты не об этом мечтал?

– Да, но хотя бы годы колледжа я хочу провести на Побережье, рядом со своей семьей.

– Но что скажет бабушка? – Сеньор Гильермо был потрясен и испуган.

– Это моя жизнь, а не бабушки. Кроме того, меня лишили возможности жить в доме с моим отцом и сестрой, могу я хотя бы сейчас побыть с вами, я прав, Мария? – Гильермо обернулся и увидел дочь, стоявшую в дверях.

– Думаю, что прав, – ответила, не менее озадаченная, Ма-

рия, никогда не видевшая в брате такого желания жить с нами.

– Ну что же, дети, вы уже достаточно взрослые, чтобы самим принимать решения, – развел руками Гильермо, – Я позвоню в колледж и узнаю про перевод.

– Спасибо, папа, но я сделаю все сам – сказал Хулио и пошел к себе.

Мария взглянула на отца и удивилась его грустному выражению лица.

– Папочка, почему ты переживаешь, ты не хочешь, чтобы Хулио жил с нами? – она обняла отца.

– Нет, дочка, – он погладил дочь по руке, – Я боюсь, что он повторит мою жизнь.

– А разве она была плохой? – Мария посмотрела на него своими большими глазами.

Он вспомнил Мануэлу, свою супругу. Она так же, как и дочь, всегда старалась придать ему смелости, не зная, что смелость эта ее же и погубит.

– Она была интересной, временами грустной, странной, но такой эмоциональной.

– Предпочитаю эмоциональность посредственности, – заявила Мария.

– Ты права, – Гильермо засмеялся, – Как прошел день?

– Хорошо, встречались с Флор.

– Твоя лучшая подруга.

– Вечная подруга, папа.

– Нет ничего вечного, дочка.

– У нас есть, – Мария подумала о Хосэ и в очередной раз не решилась рассказать о нем отцу, – Но сейчас будет сложно встречать мою лучшую подругу в доме с братом.

– Это почему же?

– Они не ладят. Он ее ненавидит.

– Ага, сейчас я начинаю кое-что понимать. Вот почему он решил остаться дома.

– А я не понимаю до сих пор. Это лето будет жарким, папа, потому что я еще никогда не видела Флоренсию в таком состоянии.

– И немудрено. Какой же глупый мой сын, – Гильермо рассмеялся. И продолжал смеяться, когда Мария направилась к себе.

Закрыв за собой дверь комнаты, она осталась одна, как и во все вечера, когда в ее одиночество не врывался Хосэ. У нее не было матери, которой она могла рассказать о своих первых чувствах и она уже давно научилась держать все в себе. Ей не хватало Мануэлы, от которой остались лишь фотографии, некоторые вещи и пара смутных воспоминаний. Отец редко говорил о ней, а при рассказах упоминал лишь

о ее добродетели и заботе, и никогда о любви к ней. Он считал, она не замечала это, но она заметила. Ее мысли прервал стук в окно. Он всегда чувствовал, когда ей была необходима его помощь. Она отворила окно и впустила его. Он стоял перед ней при свете луны. Он – ее любовь, сила, надежность. Он смотрел на нее влюбленным взглядом и поцеловал.

– Ты грустишь, почему? – спросил он.

– Я думала о тебе.

– С грустью?

– Ты мне нужен, Хосэ. Я не смогу без тебя жить, – она подняла на него свои бездонные глаза.

– Я всегда буду с тобой, любовь моя. Всегда.

В соседней комнате Хулио лежал на кровати и листал старый альбом. Он тоже вспоминал о маме. Мария была на нее похожа, та же улыбка, те же бездонные глаза, немудрено, что Хосэ влюбился в нее без памяти. На одной из фотографий он увидел свою маму с двумя подругами. Они были похожи друг на друга. Вероятно, это были две сестры. Взгляд одной из них приковал его внимание. Это была Флоренсия, двадцать лет назад. Это точно была Флоренсия! Тот же гордый взгляд, та же осанка. Рядом с этой девушкой его мама казалась такой слабой и беззащитной. Он вынул фотографию и прочел на обороте: «Вечные подруги – Мануэла, Антония и Мария».

Сначала шла его мама, Мануэла, посередине – Антония. Значит, яркую незнакомку звали Мария. Как и его сестру. Он пролистал дальше и нашел еще одно фото. Казалось, на Побережье ничего не изменилось. Это была та же школа фламенко, где пела Мария. Фотография запечатлела момент, когда Мануэла пела что-то очень грустное, Мария повернулась в танце, а какой-то парень играл на гитаре, кто же был фотографом, так и осталось тайной.

6

Хосэ ушел с первыми лучами солнца, как обычно. Было опасно раскрывать их связь, ведь оба еще были так молоды. Мария понимала, они играли с огнем. Но это была ее жизнь, это были ее чувства, она не могла им сопротивляться, и не хотела. Флоренсию она встретила в школе танцев, где они проводили все свое летнее время.

– Раз, два, три, четыре, раз, два, три, четыре – Флоренсия вела группу, замещая преподавательницу в разучивании новых движений тангос.

Зал наполнился лучами испанского солнца под звуки ее каблуков, Мария подхватила ритм и запела. Вскоре появился Хосэ.

– Хосэ! – поздоровалась Флоренсия, – Как хорошо, что ты пришел, мы как раз добавили пару новых движений.

– Флор, я надеюсь, ты не будешь возражать, я привел с собой друга.

– Конечно, пусть посмотрит, – Флор еще улыбалась, но когда увидела входящего в аудиторию Хулио, ее улыбка погасла.

– Ты здесь? – удивилась она.

– И ты здесь, Понча? – Хулио все-таки кое-что помнил об их совместном детстве, в частности, столь не полюбившийся ей тогда вариант ее имени.

– Не называй меня так!

– Почему нет, Понча?

Я всегда здесь, я здесь танцую, и ты это знаешь. Но тебе сложно понять, как надо радоваться жизни.

– Почему же? Я радуюсь жизни на Побережье с лучшим другом, – он широко улыбнулся и обнял Хосэ за плечи.

– Хорошо, так и быть, оставайся и смотри на нас. Лови момент, лето скоро закончится, и ты вернешься в свой центр, в свою скучную серую жизнь – она повернулась и собиралась вернуться к танцам.

– Не вернусь. Я остаюсь на Побережье.

– Что?! – Флоренсия посмотрела на Марию и Хосэ, они явно что-то знали.

– И в твоих же интересах принять это легко, эта земля не принадлежит только тебе. Я стану королем Побережья, дорогая!

Из всей его речи она услышала лишь последнее слово. И все, казалось, услышали только его. Ведь все помнили о пари.

– Это эпитет, ничего больше, – пытался оправдаться Хулио.

– Я именно так и подумала, Хулито. Ну, что же, наслаждайся!

Хосэ взял первый аккорд, Мария подхватила ритм и запела, а Флоренсия начала танцевать. Хулио нравились ее движения, ее уверенность, ее сила. Сам не замечая как, он сделал первый выпад, затем второй, Хосэ заиграл ритмичнее. И вмиг они стали танцевать вместе, в паре. У них отлично получалось чувствовать друг друга. Наверное, танец был единственным состоянием, когда они могли быть собой и не боялись показать истинные чувства. Допев последний припев, Мария выдохнула. Столько силы вложила она в эту песню о вечной любви, желая, чтобы она обволокла их всех и защитила от собственной гордыни и людской зависти.

– А ты неплохо танцуешь, – призналась Флоренсия, глядя ему в глаза.

– С твоих уст это звучит, как признание в любви, – усмехнулся Хулио.

– И не мечтай, – улыбнулась она, – Я никогда не признаюсь первой.

Он немного опешил.

– И я этого не сделаю.

– Вы сказали друг другу больше трех фраз и до сих пор

не поругались, – засмеялся Хосэ, хлопнув друга по плечу.

– Ты во время их остановил, – сказала Мария, – Пятая фраза обязательно вывела бы их из себя.

Хулио посмотрел на Флоренсию. Им явно не нравилось, что над ними подтрунивают.

– Как же вы правы, просто Понча и я немного растерялись.

– Не называй меня так!

– Вот смотри, опять начинают, – усмехнулся Хосэ.

– А у меня предложение, – сказала Мария, и все посмотрели в ее сторону, – Что, если вам двоим поставить танец вместе, раз это единственное состояние, когда вы не ругаетесь друг с другом? – Хулио и Флоренсия переглянулись, им явно нравилась эта идея, но оба не хотели это показывать.

– А у меня еще лучшее предложение, – сказал с энтузиазмом Хосэ, – Новое пари на вас. Если к следующей фиесте ни один из вас не признается, то вы оба понесете наказание.

– Но, Хосэ, это нечестно! – вспыхнула Флоренсия.

– Разве ты сомневаешься в себе, королева Побережья? – он знал, на что давить.

– Конечно, нет! Какая глупость!

– И какое будет наказание? – заинтересовался Хулио.

– Вы станцуете.

– Тоже мне, наказание! – рассмеялась Флоренсия.

– Вместе, – продолжал Хосэ.

- Ну, на это я могу пойти, – сказала Флоренсия.
- В костюмах, – не унимался Хосэ.
- Без проблем, – развел руками Хулио.
- Только наоборот, – заключил Хосэ.
- Что значит наоборот? – спросили спорящие в унисон.
- Он будет в твоём платье, а ты в его штанах, – и Мария с Хосэ громко рассмеялись, за ними рассмеялись и остальные в зале.

Хулио и Флоренсия чувствовали себя растерянными. Она обернулась и представила, как через неделю все также будут смеяться над ними, ведь она знала, он не признается, и она тоже.

- Неужели ты боишься, Флоренсия де ла Вега? – усмехнулась Мария.
- Я ничего не боюсь! Пари так пари!
- А если выиграем мы? – вмешался Хулио, взяв Флоренсию за руку, от чего мурашки прошлись по ее коже. Она чувствовала его пульс, и уже ничего не имело значения.
- Ну, тогда то же самое сделаем мы, – развел руками Хосэ.
- Неужели ты станцуешь, наш вечный гитарист? – удивилась Флоренсия, зная, что он никогда еще этого не делал.
- Ради вас, что угодно, – он улыбнулся.
- По рукам! – сказал Хулио.

Когда он отнял свою руку, Флоренсия нащупала листок бумаги в ладони. Уже в раздевалке она прочла:

«Сегодня на пляже со стороны маяка в семь. Хулио».

«И когда это он успел написать? И что ему от меня нужно?» – удивилась она.

Уже около семи вечера она пришла в назначенное место, его там не было, она ужасно разозлилась. Вспышка гнева опять накатила, и она топнула ногой по песку. Как могла она поверить ему! Он всего лишь посмеялся над ней. Она обернулась в сторону дома и увидела его улыбающееся лицо. Ему так нравилось выводить ее из себя. А ей нравилась его радость. Вечер тихо опускался на прибрежный город и с моря подул легкий бриз. Ее легкое льняное платье слегка развивалось на ветру. Именно такой она являлась ему во снах много лет спустя.

– Я думала, ты не придешь, – призналась она.

– Я ведь сам тебя пригласил.

– И опоздал.

– Мне хотелось посмотреть, как ты злишься.

– Тебе это явно доставляет удовольствие.

– Правда, – признался Хулио.

– Так что ты хотел сказать?

– Я хотел предложить сделку. Мне не очень хочется появляться в женском платье на глазах у всех, да еще и танцевать

женскую партию севийаны.

– И какую сделку?

– Есть два варианта, давай пройдемся, – он взял ее за руку и повел вдоль побережья, – Это ведь наше первое свидание, – засмеялся он.

Флоренсия молчала. Настолько необычным был этот момент, что она не могла ничего произнести. Волны одна за другой накрывали их ступни, одна волна сначала касалась его, потом ее и была некая интимность в этих прикосновениях. На минуту это зрелище заворожило обоих.

– Так вот, сделка, – как всегда Хулио первый пришел в себя.

– Ты говорил про два варианта, – Флоренсия посмотрела ему в глаза.

– Да, – он тоже взглянул на нее, потом посмотрел за нее вдаль и увидел маяк. Воспоминание из детства накрыло его, он улыбнулся.

– Флор, ты помнишь? – он указал в ту сторону.

– Это было здесь? – улыбнулась Флоренсия.

– Именно.

– Наша первая встреча, – она улыбнулась, вспоминая детали их первого знакомства.

Они были еще совсем детьми. Хулио с отцом, матерью

и младшей сестрой еще жил на Побережье. Тут они и встретились впервые.

– Тогда ты не казался мне напыщенным дураком, – улыбнулась Флоренсия, вспоминая маленького мальчика, усиленно помогавшего ей строить песчаный замок.

– А ведь ты была права, говоря, что почин у тебя был уже очень давно, – рассмеялся он.

– Боже! Ты меня поцеловал тогда?! – негодовала Флоренсия.

– А ты не помнишь?! – негодовал Хулио.

– Я была совсем маленькая!

– Я тоже, но я помню, – обиделся он.

– Ну, у тебя есть шанс сделать так, чтобы этот раз я запомнила, – она прямо посмотрела ему в глаза, и он принял ее вызов.

Это был необычный поцелуй, так отличающийся от первого. В нем было столько нежности и мягкости, что оба утонули в ней, словно в пене, ласкающей их кожу.

– Так, а теперь про варианты, – он взял себя в руки, и получил пощечину.

– За что, сумасшедшая? – Флоренсия отвернулась, он не должен был видеть ее слез.

– Говори! – скомандовала она.

– Думаю, остается один вариант. Мы притворимся, что признались друг другу, и не опозоримся на фиесте.

– А если спросят, кто первый?

– Конечно, ты, – рассмеялся он и получил удар по плечу, – хорошо, мы оба.

– Но это же не правда!

– Ну и что, я не хочу танцевать в твоем платье.

– Ах, да, как же ты после этого станешь королем Побережья, – рассмеялась Флоренсия.

– То есть, ты отказываешься? – рассердился он.

– У меня еще есть целая неделя, я в отличие от тебя в своих силах уверена, дорогой, – она провела рукой по его волосам, – Это эпитет, не забывай, – она повернулась и пошла в сторону дома, а он смог уловить ее цветочный аромат.

Она шла вдоль берега и вдыхала аромат моря. Душу переполняли противоречивые чувства. Она облизнула губы, на которых все еще были его следы, и улыбнулась, ей было приятно осознавать, что он есть в ее жизни. Та страсть, о которой она так долго мечтала, росла в ней с каждым его взглядом, с каждым его прикосновением. Но в тоже время ей хотелось бежать от него подальше, бежать от его холодности и расчета. Поднявшись к себе, Флоренсия услышала звуки на кухне, войдя внутрь, она вскрикнула от радости, ведь отец и любимый братик вернулись из Барселоны.

– С призами? – захлопала в ладони Флор.

– Да еще с какими! – хвастал кубком Хуан.

– Наш Хуанито был лучшим на этом турнире, он будущая слава теннисной Испании, – говорил гордый отец, обнимая дочь. Мать весело улыбалась, но что-то в этой улыбке показалось Флоренсии странным. Антония явно была чем то озабочена.

– Пойдем, Флор, поболтаем, – Хуан увел сестру в комнату, оставляя родителей одних.

– Хуанито! Ты такой молодец, я так тобой горжусь! – поцеловала брата Флоренсия.

– Спасибо, сестренка, а как тут твои дела?

– Ох, и не спрашивай! Тут такое происходит!

– Ферни писал мне, что у нас появился новенький.

– Брат Марии.

– Этот неизвестный?

– Да, теперь он решил учиться в нашем колледже.

– Он тебе явно не нравится.

– Я его терпеть не могу!

– Если будет обижать тебя, только скажи мне, я с ним быстро разберусь.

– Спасибо, дорогой.

– Флор, мне надо сказать тебе кое-что важное, – он наклонился к ней и взял ее за руку, понимая, как тяжело она воспримет эту новость.

– Боже мой, Хуанито! Что же случилось?

– Наши родители разводятся.

– Нет! Нет! Как так? – Флоренсия вмиг встала.

– Флор, успокойся, я слышал, как папа говорил с адвокатом, они уже все решили.

– Это нечестно! – кричала Флоренсия, – Я им этого не прощу!

– Боже, Флор! Успокойся, прошу, им и так сейчас нелегко. И откуда у тебя такой темперамент? Вроде все в семье довольно спокойные.

– От тети, ты же знаешь.

– Флор, сделаем вид, что ничего не знаем.

– Мне будет сложно это сделать.

– Да, но это хорошая практика перед твоим поступлением в академию.

– Откуда ты узнал? – удивилась сестра.

– Я видел твое заявление, и полностью тебя поддерживаю, сестренка.

– Спасибо, – Флор села на кровать, немного успокоившись. А ведь Хуан не знал, что теперь ее поступление в академию кино было под большим сомнением.

Антония вошла в комнату дочери, но та уже спала. Или делала вид, что спала. Она тихонько вышла на балкон, вдыхая аромат ночного города. Так много лет прошло с поры ее беззаботной юности. Она взглянула на спящую Флоренсию, на черты ее лица, она так напоминала ей сестру, потерянную

навсегда в лабиринте условностей и никому ненужных правил. Это ведь она, а не Мария, всегда была правильной девочкой, хорошей, рассудительной. А вся спесивость рода де ла Вега досталась Марие. От чего та и пострадала. А теперь Флоренсия как никто другой была похожа на тетю. Было в ее внешности что-то и от отца. Тот же гордый профиль и точеный подбородок, выдававший сильную волю. Ее второму браку приходил конец, и она больше не верила в любовь. Все правила и условности разбились без чувств и страсти. Она вернулась в свою спальню. Диего уже спал или делал вид, что спит. Сегодня он сообщил ей, что бумаги подписаны, и они могут быть официально разведены. Оставалось самое сложное – сообщить детям. Как они это сделают? Как будут жить дальше? Флоренсия души не чаяла в своем брате, как и он в ней. Да и Антония полюбила сына Диего, как родного. Диего Агирре лежал и слышал, как она легла рядом. А ведь когда-то он так сильно ее любил! Когда-то он так сильно ее желал, боролся за нее. И она все-таки стала его женой, то, что должно было произойти, произошло. Две именитые семьи породнились. Но она так никогда и не стала его женщиной. Холод вместо живой души – вот что принесла ему Антония де ла Вега.

Флоренсия проснулась раньше обычного и помчалась в школу танцев, не желая встречаться с родителями для предстоящего разговора, тень которого словно повисла в их доме. Она отбивала ритм, и слезы текли по ее щекам, ее непоколебимый мир рушился, и она не могла найти сил, чтобы справиться с этим. Вдруг дверь медленно открылась, она не слышала этого, звук каблучков и шум собственных мыслей заглушали все.

Хулио, решивший попрактиковаться раньше остальных, вошел и встал у стены, явно не ожидая увидеть ее здесь так рано. Почувствовав его дыхание сзади, она обернулась, Хулио был совсем рядом, он обнял ее за талию и они вместе понеслись в страстном ритме.

- Почему ты плачешь? – спросил он, развернув ее к себе.
- В севийане нет таких движений.
- Теперь будут.
- Мы их придумали?
- Да.
- А как мы их назовем?
- Флолио, – предложил он, и она улыбнулась. Он медленно вытер слезы с ее глаз.
- Зачем? Тебе ведь нравится, когда я страдаю.

Только из-за меня, но я чувствую, что эти слезы были пролиты по другой причине.

– Я не привыкла к жалости, Хулио.

– Я и не собирался тебя жалеть.

В этот момент в зал одна за другой вошли Кристина и Роса, младшие сестры Хосэ и Фернандо.

– Привет, ребята! Репетируете танец наоборот, – рассмеялись они, тем самым заставив наших героев вспомнить о пари.

– Не дождетесь! – выпалила Флоренсия, – Мы признались друг другу в любви! Так что танцевать будут Мария и Хосэ!

Хулио с удивлением посмотрел на нее, еще вчера утверждавшую совсем иное.

– Серьезно? – удивились девочки, – Так вы теперь вместе?

– Вместе, – она взяла его за руку, и он почувствовал неопишемую силу в этом прикосновении.

– Вот это да!

Уже к обеду новость обошла всех на Побережье и дошла до сладкой парочки, наслаждавшейся летним солнцем на пляже.

– Я просто в шоке! – изумлялся Хосэ, – Еще вчера они готовы были выцарапать друг другу глаза, а сегодня уже вместе?

– Я уверена, это из-за пари, – говорила Мария.

– Как бы там ни было, но танцевать придется вам, – рассмеялась Кристина.

– А мы можем, – Мария посмотрела на Хосэ.

– Да, зажжем эту толпу, – он ответил ей страстным долгим поцелуем.

Целый день Флоренсии и Хулио пришлось провести вместе, разыгрывая из себя пару.

– Это серьезнее, чем я предполагал, – признался он.

– Даже Марии нельзя рассказать? – спросила она, когда они медленно попивали апельсиновый сок в своем кафе.

– Марии в особенности, я ничего не скажу Хосэ, иначе, придется наряжаться клоунами.

– Для меня это не проблема.

– А для меня проблема.

– Получается, ты оставил мечты по завоеванию меня, раз так быстро сдался?

– А может это часть моего плана?

– А ты, оказывается, коварный, Хулиито, – Флоренсия уже была готова вспылить и раскрыть все, но в этот момент в кафе вошли Мария с Хосэ.

– Сядь на место и подыграй мне, – строго сказал он, и она послушалась.

– А вот и наши голубки, – рассмеялся Хосэ, – Не знал, что танцы так сближают.

– И не рассказать ничего лучшей подруге, Флор! – нарочно удивлялась Мария.

Флор взглянула на нее, и по одному ее взгляду было понятно, что она играет. Мария была единственной, кто знала Флоренсию наизусть. Она понимающе улыбнулась, это уже становилось интересно. Флоренсия видела, что друзья их раскусили, видел это и Хулио, тем не менее, они продолжали играть и друзья очевидно именно этого и добивались.

– Вы ведь сами заметили, что искра пробежала с самого начала, – произнес Хулио и, притянув Флоренсию к себе, поцеловал. Она могла играть в остальном, но здесь она была настоящей и ответила ему поцелуем.

– Раз все это действительно правда, то остается вас только поздравить, – рассмеялась Мария.

– Да, и нашим подарком будет танец-наоборот на фieste, – улыбнулся Хосэ.

Флоренсия была готова провалиться под землю от стыда, но тут на помощь пришли Ферни и Хуан.

– Хуанито приехал! – обрадовалась Мария. Они сели рядом.

– Да, Мария, и не один, а с кубком!

– Ты самый лучший, Хуан! Кстати познакомься, это Хулио, мой брат и теперь парень твоей сестры.

– Правда? И когда это произошло? Еще вчера ты его не увидела, – обратился он к Флоренсии.

– Да, но сегодня все изменилось, – выпалила та.

– Мы любим друг друга, – серьезно сказал Хулио и все с удивлением посмотрели на него.

Всем вдруг показалось, что он не шутит. Флоренсия тоже как-то по-другому посмотрела на него и обняла.

– У нас в компании так много парней и только две девушки, – обеспокоенно произнес Хосэ.

– Ты, что, ревнуешь меня, – флиртowała с парнем Мария, – А мне нравится такое внимание, – подмигнула она.

– Серьезно, ребята, почему бы вам тоже не найти себе девочку? – предложил Хосэ.

– Ага, как только так сразу, ты же знаешь, я не готов к серьезным отношениям, – рассмеялся Хуан.

– А я наоборот ищу свою единственную любовь, – признался Фернандо.

– Ну, ты и романтик, – хлопнул его по плечу Хулио.

– Тебе повезло, ты ее нашел, – Фернандо посмотрел ему

прямо в глаза, от чего Хулио стало не по себе.

Едва Флоренсия вошла в дом, мать выбежала ей навстречу.

– Флор, нам надо поговорить.

– Мама, я очень устала сегодня, хочу принять ванну и лечь спать, завтра большая репетиция в школе, – кричала она из своей спальни, заливаясь слезами, отца в доме не было.

Антония не обладала таким темпераментом как дочь и такой силой, она опустила руки и налила себе еще чаю.

Хорошо, поговорим завтра утром, – согласилась она.

8

Когда на следующее утро солнце взошло над южным Побережьем, она опять не застала дочь дома. Постель уже была заправлена. Она уже ушла.

– Мама, – Хуан поцеловал мачеху в щеку, – Я все знаю, папа уже уехал?

– Ох, Хуанито! Он поехал в отцовский дом, готовить его для вас.

– Я хочу жить с тобой, мама.

– Мой дорогой, – она обняла пасынка.

– Хотя не ты меня родила, ты моя настоящая мама.

– Спасибо, любимый мой. Но подумай о своем отце, ему будет так плохо одному, к тому же мы с Флоренсией будем навещать вас, ведь дом Агирре находится по соседству с де ла Вега.

– Мама, скажи, сестра взяла твою фамилию, потому что у бабушки больше нет наследников?

– Да, – с грустью ответила Антония, – Больше никого нет.

– А тетя Мария?

– Ее тоже нет, Хуан, она исчезла много лет назад, и Бог знает, жива ли она сейчас, – вздохнула Антония.

– Интересно вы поделили детей, – усмехнулся Хуан, и дрожь прошла по телу Антонии, – Я, значит, полностью

Агирре, а моя сестра, пусть только по отцу – де ла Вега.

– Эти условности, эти правила, они сводят меня с ума! – закричала, не узнавая саму себя Антония.

– Но правила помогают жить, – спокойно сказал Хуан.

– Так всегда говорит твой отец. И моя мать так говорит, – Антония посмотрела вдаль, у нее появилось сильное желание увидеть ее, – Думаю, на выходных пойдем к бабушке, и дом ваш посмотрим заодно.

– Ой, мама на выходных тут готовится такая фиеста! – он закатил глаза.

– Флоренсия танцует? – улыбнулась Антония, гордившаяся талантом дочери.

– И не одна.

– А с кем? – удивилась мать.

– С братом Марии, Хулио.

– О, Боже! Эрнандесом? – от неожиданности она села на стул.

– Именно, тем самым неизвестным, который жил с бабушкой, а сейчас вернулся домой. Мама, почему это тебя так потрясло?

– Что этим Эрнандесам вообще надо от нашей семьи! – вспыхнула Антония, – Пусть держится подальше от моей дочери!

– Мама, они встречаются, и, кажется, любят друг друга.

– Что? – удивилась Антония, – Почему все повторяется! – она схватилась за голову.

– О чем ты, мама?

– Забудь. И она ничего мне не говорит! Это поэтому она от меня прячется?

– Не поэтому, – Хуан опустил глаза, – Это из-за развода, она не хочет в это верить.

– Так она все знает? Откуда?

– Я ей все рассказал, но не беспокойся, я сделал это как можно мягче.

– Спасибо, сынок, – она обняла его и поцеловала, – Все-таки правильно я сделала, что подарила ей брата.

На другом конце земного шара американский бизнесмен Игнасио Равиола в нервном возбуждении ходил по комнате одного из лучших номеров Гранд отеля в Акапулько. Его дочь, шестнадцатилетняя Лус загорала на террасе, наслаждаясь лучами жаркого мексиканского солнца, заучивая новые слова на испанском языке, стараясь уловить обрывки разговора отца. Она плохо понимала его язык. Временами он говорил на нем, да, еще и на каком-то непонятном диалекте.

– Да, я понимаю, я знаю, что это важно, Бланка, – услышав имя тети, она заинтересовалась, значит, это был не очередной деловой разговор по поставкам оливок, – Но я не могу сейчас приехать, – услышав последнюю фразу, Лус подскочила с лежака, неужели отцу предлагали приехать в Испанию? Она подошла к двери балкона, – Очень больна? Конечно, я люблю ее! Привези ее сюда, в Штаты, куда угодно! Я все оплачу! Но я не могу приехать в Испанию, и ты прекрасно знаешь почему, – Лус еще ближе прижалась к щелке, стараясь не пропустить ни слова. Она видела тетю всего пару раз в жизни, и бабушку тоже, когда они приезжали к ним в Майами. Тогда они наотрез отказались оставаться там, хотя, как заметила Лус, условия там были намного лучше, чем в их собственном доме, – Ладно, ты права, пора все забыть.

Счастлива сейчас? Семья? Да, ты права, я тоже устроил свое счастье. Только ради мамы я вернусь, – согласился он, – Что? И Лус с собой взять! Ну, уж нет!

– Да! – тут не выдержала Лус и вошла в комнату, – Я тоже поеду! – сказал она на английском.

– Эти испанские женщины сведут меня с ума, – проговорил он в трубку, – Хорошо, я привезу ее, передай маме, что я люблю ее.

– Мы едем в Испанию! – захлопала в ладоши счастливая Лусия.

– Почему ты этого так хочешь? – удивился Игнасио энтузиазму дочери, – Ты ведь там никогда не была.

– Я просто хочу, папа! Это ведь моя Родина! И там похоронена моя мама и сестра. А я там еще ни разу не была.

– Лус, – при этих словах он опомнился, – Боюсь, что могил их ты там не найдешь.

– Почему? – удивилась девочка.

– Они похоронены в другом месте.

– Я поеду туда.

– Нет, их там нет.

– Папа, объясни!

– Никаких вопросов, иначе отправлю в Майами.

Лус замолчала, она знала, что у отца был сумасшедший характер, и как только ее мама с ним уживалась? А ведь у нее даже фотографии ее не было! Но зато, с какой любовью о ней

отзывался отец, этого было достаточно.

10

– Уф, ну теперь все в порядке. Он придет! – воскликнула счастливая Бланка, положив трубку, – Прости Флор, эти семейные разговоры сведут меня с ума.

– Бланка, это твой загадочный брат, который покинул страну много лет назад? – удивилась Флоренсия, поправляя юбку.

– Он самый, дорогая, и он скоро придет, – она обняла свою самую любимую ученицу и расцеловала ее в обе щеки.

– Ай, Бланка! Ты так рада!

– Конечно, Флор, а представь, как обрадуется мама, она не видела его уже больше пятнадцати лет! Кстати, она и по тебе скучает, может, зайдешь сегодня после танцев?

– С удовольствием, у меня дома такое происходит!

– Вот и отлично, твой партнер сегодня придет?

– А черт его знает, он такой непредсказуемый.

Только они собирались взять ритм, как дверь отворилась, и вошел улыбающийся Хулио.

– Я была совсем маленькой, но помнила твоего отца именно таким, ты очень на него похож, Эрнандес, – сказала Бланка, приглашая его встать в ряд.

– Мне все это говорят, а еще я видел девушку очень по-

хожую на Флоренсию, вы не знаете кто она?

– Это могла быть только Мария.

– Моя тетьа Мария? – удивилась Флоренсия.

– Да, твоя тетьа, а где ты ее видел? – поинтересовалась

Бланка.

– На фотографии дома в альбоме.

Ох, как она танцевала! Она меня вдохновила на танцы, – с восхищением произнесла молодая преподавательница.

– А ты меня, Бланка, – сказала Флоренсия.

– Спасибо, родная моя, – сама не ожидая, она расплакалась.

В этот день они танцевали до самого вечера, Хосэ баловал их все новыми мелодиями, а Мария пела, и песни ее доходили до самого сердца. После репетиции все вместе отправились к Бланке, в столь любимый и родной дом за танцевальным залом. Сеньора Кармен, пожилая мать Бланки, уже приготовила всеми любимый гаспаччо и тостады с оливковым маслом. Веселая компания расположилась в саду в тени апельсиновых деревьев.

– Бланка, ты уже сообщила сеньоре Кармен хорошую новость? – поинтересовалась Флор.

– Да, я уже все знаю, дочка, – Кармен погладила Флоренсию по волосам, – Я давно не была так счастлива.

– Кто бы мог подумать, что Эрнандес, де ла Вега и Санчес

соберутся вместе под крышей дома Равиола, – рассмеялась Бланка.

– Почему, Бланка? – удивилась Мария.

– Раньше здесь все было по-другому, – произнесла та, оглядываясь на мать.

– Кажется, я понимаю, как именно, – горько усмехнулся Хосэ.

– Но мы все изменим, – Мария нежно погладила парня по руке и посмотрела ему в глаза.

– Ты очень похожа на Мануэлу, такая же добрая и мудрая.

– Спасибо, донья Кармен, хоть от вас услышать о маме, папа про нее совсем не говорит.

– Но почему? – удивился Хулио, – Я думал, тебе он рассказывает о ней.

– Нет, он постоянно уходит от разговора.

Постепенно вечерело и Мария с Хосэ решили прогуляться по побережью, Бланка ушла спать, а Флоренсия с Хулио сидели и слушали рассказы доньи Кармен о старых деньках на побережье.

Было уже поздно, а Флоренсии все еще не было дома, Антония начала переживать, Хуан уже давно вернулся и смотрел телевизор. Диего все еще был в новом доме, и Антония вышла на улицу в поисках дочери. Район был небольшой, и найти ее не составило бы труда, да и до дома ее мамы было совсем недалеко, нужно было лишь немного подняться

вверх по горе. Но сердце повело ее в противоположном направлении. Узкими улочками мимо апельсинового сада, мимо танцевальной студии туда в маленький домик с цветами за белой оградой. Антония, словно вернувшись на двадцать лет назад, опять шла знакомыми путями, прячась от любопытных глаз, смотревших на одну из де ла Вега в скромном квартале ремесленников и гитаристов. И вот он, тот самый дом, пятнадцать лет она не видела его. Он совсем не изменился. Такой же милый и уютный. Она подошла ближе и увидела свет на заднем дворе, она обошла вдоль ограды и словно прошлое вернулось. Вот Мария и Гильермо смотрят друг на друга влюбленными глазами, он пытается играть на гитаре Игнасио, но у него так ничего и не получается, она улыбнулась, руки ее затряслись. Она увидела донью Кармен и слезы хлынули из глаз. Ведь это не прошлое, это настоящее. И это не Мария, а ее собственная дочь, Флоренсия, сейчас сидит и смотрит на него, Хулио, держащего в руках гитару Игнасио, подаренную позже Хосэ.

– Антония, дочка, входи! – позвал ее добрый голос доньи Кармен. Она словно остолбенела.

– Мама! – обрадовалась Флоренсия, – Иди к нам! Донья Кармен рассказывает нам истории из вашей юности.

– Надеюсь не все, – леденящим голосом произнесла она и посмотрела на пожилую сеньору.

– Конечно не все, дочка, память у меня уже не та, кое-чего

не помню совсем, – ответила понимающе пожилая сеньора.

– Я пришла за дочерью, не знала, что она здесь.

– Но мама, я всегда здесь после танцев.

И тут Антония поняла, как плохо она знала собственную дочь. В вечном трауре по сестре, она совсем забыла про свое маленькое сокровище. Преодолев себя, она отворила калитку и вошла внутрь. Что-то изменилось. Это был уже не тот бедный домик, теперь тут все сверкало. Она часто слышала сплетни соседок про то, что сын дома Равиола стал богатым человеком и полностью содержит мать и сестру, прислал деньги на реконструкцию танцевального класса, но сам поклялся не возвращаться на Побережье никогда в жизни. Как бы не старался он изменить этот дом, его суть осталась та же, самая настоящая андалусская.

– Садись, послушай, Хулио пытается сыграть на гитаре.

– Гитара Игнасио, – констатировала замороженная Антония. Кармен улыбнулась, протягивая ей чашечку гаспаччо, – Значит, ты и есть сын Гильермо, который встречается с моей дочерью? – она посмотрела ему прямо в глаза.

– Мама, мы не встречаемся, мы делаем вид, – призналась Флоренсия.

– Я им говорю, что врать – это плохо, – покачала пальцем Кармен.

– Просто я не хочу танцевать на фиесте в женском пла-

тье, – оправдывался Хулио, Антония его явно пугала.

– Слава Богу! – выдохнула Антония, – А ваш гаспаччо – самый лучший, Кармен.

– Спасибо, Тони, ты всегда знала ему цену.

– Тони? – удивилась Флоренсия, – Мама, тебя так никто не называет.

– Это прерогатива семьи Равиола.

– Тогда и я тебя буду так называть, – предложила Флоренсия. Антония на минуту задумалась, а затем сказала:

– Тебе тоже можно, а теперь нам пора.

– Я провожу вас, – предложил Хулио.

Кармен наблюдала за уходящим трио и думала о превратностях жизни. Иногда все возвращается, даже то, от чего ты бежал, то, что ты, навечно похоронил в задворках своего сознания. Бог знает лучше, что лучше для нас. И все возвращается, чтобы остаться, или чтобы изменить тебя. Возвращается все, что не забывается, и не забудется то, что вернется.

Едва самолет приземлился на испанскую землю и Игнасио вдохнул воздух Родины, воспоминания накрыли его с головой. Он вспомнил даже то, что навсегда было забыто. Его затрясло в ознобе обновления потерянного, словно душу вывернули наизнанку и заполнили старыми эмоциями и впечатлениями.

– Папа, тебе плохо? – это была она, свет его жизни, его дочурка Лус (Лус в переводе с испанского «Свет»).

– Это была плохая идея привезти тебя сюда, – коротко ответил он, когда они садились в такси.

– Почему же? Мне нравится этот город, он красивый. Мы едем к бабушке?

– Нет, мы остановимся в отеле. Бланка сказала, что бабушка очень больна, думаю, ей нужен покой.

Лус недовольно взглянула на отца, даже она понимала, что ей нужен не покой, а ее сын и единственная внучка.

– А когда я увижу ее и Бланку?

– Не знаю, посмотрим.

– Но я ведь их увижу? – испугалась Лус.

– Увидишь, дочка, но только не сегодня. Сегодня я сам их

навещу, и потом мы встретимся.

– Папа я хочу поехать с тобой! Я хочу посмотреть на дом, в котором ты вырос.

– Лус, ты очень похожа на свою маму, и я боюсь, что люди узнают тебя и будут задавать всякие глупые вопросы и это сделает тебе больно.

– Папочка, милый, мне совсем не больно, а наоборот, я счастлива! Ты никогда не говорил, что я очень похожа на маму! А у Банки есть ее фото?

– Нет, Бланка очень занята, ты же знаешь, она постоянно в своей школе фламенко. И тебе же это не нравится?

– Да, мне совсем не нравится фламенко.

Оставив дочь в отеле, и дав ей указания никуда не выходить за пределы его территории, он все-таки отправился в свой район. Как отличалось его возвращение от его отъезда. Тогда он не имел лишней песеты, сейчас его счета насчитывали миллионы долларов. Тогда, гонимый обидой, он жаждал мести, сейчас, имея все возможности, он не хотел ничего. Личное такси медленно везло его мимо побережья, как же здесь все изменилось! Толпы туристов бродили по любимым улочкам. Он остановил машину и вышел, желая пройтись пешком, полагаясь на свою память. Через пару поворотов лабиринты улочек увлекли его в свои сети.

Распаковав вещи, Лус совсем не хотелось сидеть в номере, и она вышла к бассейну. Но море было намного заман-

чивее, и она пошла на пляж. Красивая молодая американка быстро привлекла внимание местных парней, что ей явно льстило. Ее прямые светло-русые волосы красиво контрастировали с загорелой кожей, а небесно-голубые глаза влекли в свои воды. Узкие скулы, немного пухлые губы и нос с горбинкой, как напоминание об испанских корнях. Пройдя немного дальше, она покинула территорию отеля и пошла вдоль берега. Совсем скоро она заблудилась, точно также как и ее отец.

– Хулио, что вы там мутите с Флоренсией, колись уже, друг, – Хосэ похлопал его по плечу, потягивая сангрию в кафе.

– Тебе я не могу сказать, но у меня есть замечательный план. Она уже почти в меня влюбилась.

– Ты играешь с огнем. Нельзя насмехаться над чувствами людей, это все возвращается, – сказал он уже серьезно.

– А ты когда это стал таким суеверным, смотри, какая красotka! – он указал на обворожительную девушку, запутавшуюся в лабиринте андалусских улочек и решившую освежиться в местном кафе.

Едва взглянув на Хулио, Лус забила дрожь, настолько сильным было притяжение. Она еще никогда не видела такого привлекательного парня.

– Она так на тебя смотрит, – удивился Хосэ.

– И не скрывает, что я ей нравлюсь.

– Совсем не то, что Флоренсия, да?

– Флоренсия забыла, что на Побережье много девчонок, которые меня хотят.

– А тебе ее не жалко? Ведь Флор расправится и с ней.

– Посмотрим на их борьбу, я иду к ней.

И уже через минуту он подошел к столику Лус, чему та была очень рада, и, кажется, не сомневалась, что именно так все и будет.

– Разрешите сесть с вами, сеньорита? – его галантности не было предела.

– Конечно! – ответила Лус с английским акцентом.

– Ты иностранка?

– Я испанка, но всю жизнь прожила в Америке.

– Вот это круто! Я много путешествую, но еще ни разу не был в Америке.

– Тебе интересно ее увидеть?

– Нет, признаться честно, у меня какое-то неприятное предчувствие по отношению к этой стране.

– Признаться честно я и сама хочу жить в Европе. Тут все такое традиционное. А почему твой друг не подсядет к нам? – она оглянулась на Хосэ, которому она явно не приглянулась.

– Он ждет свою девушку, а если она увидит его с другой, то может быть скандал. Ты даже не представляешь, какие здесь сумасшедшие девушки. Я уверен, ты другая.

– Я не люблю драму, больше отношусь ко всему практически. А вот, кажется и та самая девушка, – она указала в сторону приближающейся Марии, но Флоренсии с ней не было, что явно расстроило Хулио.

– Привет, любимый, а где Хулио? – Хосэ ответил ей поцелуем и указал на соседний столик.

– А Флоренсия где? – спросил он.

– Она гостит у бабушки.

– Двумя улицами выше, – усмехнулся Хосэ.

– Ты же знаешь у них целый ритуал, мама отвела их вчера.

Хосэ, ее родители разводятся.

– Боже мой, это ужасно!

– Мне так ее жаль. Кого это он там себе нашел? – она указала на хихикающую Лус.

– Да какую-то иностранку.

– Кретин, ненавижу его! Флоренсии сейчас не помешала бы его поддержка.

– Мария, кажется, он собирается разбить сердце нашей Флоресьенте.

– Вот козел!

Хулио обернулся, услышав ее громкие слова, и кажется,

понимал, кому именно они были адресованы. Обернулась и Лус.

– О, теперь я понимаю, почему ты назвал их сумасшедшими, – улыбнулась она.

– Эта сумасшедшая – моя сестра, пойдем, познакомлю вас.

– Привет, Мари, это Лус, она путешествует здесь с отцом.

– Мне не интересно, – ответила Мария и отвернулась к Хосэ.

– Не очень-то ты учтива, – заметила Лус.

– Вообще-то это не красиво, – поддержал ее Хулио.

– А ты ведешь себя красиво, флиртуя с незнакомкой, когда твоей девушке нужна помощь?

– У тебя есть девушка? – удивилась Лус.

– Флоренсии нужна моя помощь? – удивился Хулио.

– Я больше ничего не скажу, – она провела рукой по губам.

– Не девушка она мне! – ответил он Лус и сам удивился сказанному.

– Твое лицо мне очень знакомо, – произнесла Лус, усаживаясь рядом с Марией.

– Неужели? Ты же иностранка, а я ни разу не была за границей.

– Подожди, – она достала свой телефон и начала листать фотографии, пока не дошла до той самой старой фотографии, на которой были запечатлены те трое друзей: Мануэ-

ла, Мария и Игнасио в танцевальном зале, – Смотри, – она указала на Мануэлу, – Это ты, – все четверо склонились над фотографией.

– Это не она, это наша мама, ее звали Мануэла, она умерла, когда мы были маленькими, – разъяснил все Хулио.

– Но откуда у тебя эта фотография? Это же моя гитара! – удивился Хосэ, показывая на гитару в руках Игнасио.

– Это мой отец, Игнасио Равиола.

– Так ты дочь Игнасио?! – изумились все трое.

– Да! Вы знаете моего отца?

– Внучка доньи Кармен? – огорчилась увиденному Мария.

– Вы знаете мою бабушку?

– И племянница Бланки? – все больше разочаровывался Хосэ.

– Именно! Вы их знаете?

– Конечно, знаем, мы танцуем в ее школе фламенко, – ответила Мария за всех.

– О, Боже! Отведите меня к ним!

– Ты что не знаешь, где живет твоя бабушка? – удивился Хосэ.

– Она впервые в Испании, – старался защититть ее Хулио.

– Твой отец ведь должен приехать со дня на день, донья Кармен ждет его с таким нетерпением!

– Он приехал сегодня, но меня не взял с собой, потому что она очень больна и ей нужен покой, – все трое рассмеялись, и Лус почувствовала себя неуютно.

– Прости, но тебя обманули, донья Кармен еще только на днях отплясывала севийану под мои ритмы, – признался, смеясь Хосэ.

– Меня интересует кто же вот эта девушка, – Хулио указал на танцовщицу.

– Так ясно же, это Мария, тетя Флор, – сказала Мария.

– Исчезнувшая сестра доньи Антонии? – спросил Хулио.

– Выходит, что так.

– Антония, кто это? – спросила Лус.

– Антония де ла Вега, мама Флоренсии, – ответил Хулио и добавил, – Ты, кстати, очень на нее похожа.

– Папа говорил, что я похожа на свою маму, но не на маму какой-то там Флоренсии.

– Не знаю, кем была твоя мама, но на сеньору Антонию ты точно похожа, – подтвердил Хосэ.

Солнце уже стало изрядно припекать, а Игнасио так и не мог разобраться в хитросплетении улочек такого знакового района. Уставший, он сел у старого дерева. Стояла настоящая испанская жара, которую можно было утолить только прохладным гаспаччо доньи Кармен. Он обессиленно поднял голову, Побережье смеялось над ним, путая и завлекая в свои сети, все глубже и глубже. Все эти долгие годы на чужбине он каждый день вспоминал его игры и его силу. Ему не хватало Родины, словно недостаток крови в венах. Ведь только Побережье могло утолить его страсть. И тут,

словно видение из прошлого озарило его. Это была Мария. Та самая Мария шла ему навстречу. Словно не было этих долгих лет его изгнания и ее исчезновения. Однажды пропавшая без вести, она снова появилась двадцать лет спустя. Только теперь на ней были современные джинсовые шорты и майка с незатейливой надписью: «Не недооценивай эту стерву». Подпрыгивая, она спускалась с горы, напевая незатейливую песенку, переступая с ноги на ногу, словно разучивая новые движения фламенко. Наконец, она заметила его, застывшего в немом восхищении перед этой девочкой.

– Нравится моя майка? – спокойно спросил призрак, ведя его из оцепенения.

– Интересная надпись, – ответил он, придя в себя, – В мои годы девчонки такое не писали.

– А что же они писали? – улыбнулась девочка.

– Ну, что-то вроде «Твоя единственная» или «Я люблю жизнь».

– Но это скучно, намного интереснее интриговать. Но моя мама наверняка имела майку именно с одним из этих высказываний.

– Не думаю, – усмехнулся Игнасио, – Твоя мама выбирала интригу, как и ты.

– Вы знаете мою маму? – удивилась Флоренсия.

– Это ведь Мария, верно? Ты очень на нее похожа.

– Нет, Мария это моя тетя, – вздохнула она, – Мою маму

зовут Антония.

– Антония де ла Вега? – еле выговорил ошеломленный Игнасио.

– Да, мы не очень похожи внешне, но в характерах что-то есть сходное.

– Флоренсия, – произнес он заветное имя.

– Вы и имя мое знаете! – не переставала удивляться она.

– У тебя темперамент отца, – он смотрел на нее, жадно стараясь уловить каждую деталь ее внешности. И ему явно нравилось то, что он видел.

– Маловероятно, папа совсем спокойный, как и все в нашей семье, – новость ошеломила его.

– Значит, папа спокойный и остальные? – запинаясь, произнес он.

– Да и брат.

– А как зовут твоего отца?

– Диего Агирре.

– Ах, да! Агирре! – горько усмехнулся он, – И как у них дела с Антонией?

– Все отлично, – соврала Флоренсия, желая, чтобы все именно так и было.

– Я знал твою семью, значит, Антония родила Агирре сына?

– Нет, у нас разные матери, но один отец. А вы-то кто такой, сеньор?

– Меня зовут Игнасио Равиола, – он не знал, было ли ей

знакомо его имя, и удивился ее реакции.

– О, Боже! Вы пропавший брат Бланки! И сын доньи Кармен! – воскликнула восхищенно она.

– Ты знаешь что-нибудь обо мне?

– Только то, что вы оставили свою семью и отправились искать счастье за океаном, – неодобрительно сказала Флоренсия.

– Это мама тебе такое сказала? – разозлился Игнасио.

– Нет, это Бланка. Она вас частенько вспоминала, – усмехнулась Флоренсия. Он смотрел на маленькую испанку с удивлением. Она была такой живой, яркой, энергичной. Совсем не такой была Лус, – Вы не их ищете, случайно? Донья Кармен уже вас заждалась, наверное.

– Да, но я немного запутался, – он умоляюще на нее посмотрел.

– Немудрено, столько лет не приезжать, пойдемте, я вас проведу. Хочу быть хорошим вестником.

Игнасио шел вслед за этой хрупкой девочкой и едва сдерживал слезы. Он знал, что придет время, и они встретятся. Знал, но не думал, что все произойдет вот так, на обычной андалусской улочке, в его первый день на Побережье. Солнце медленно припекало, и он посмотрел в синюю гладь неба. Его родного неба, и как он жил без него все эти годы? Как мог обойтись без этого тепла и счастья? Безмерное ощущение радости вдруг наполнило этого взрослого мужчину, и он

широко улыбнулся.

– Ты права, я сделал большую ошибку, оставив Побережье, – признался он неожиданно.

– Вы действительно так считаете? – она повернулась к нему и серьезно посмотрела ему в глаза, – Вы считаете, это было ошибкой?

– Возможно, наверняка знает только Бог. Почему ты спрашиваешь?

– Иногда я и сама подумываю уехать.

– Действительно? – они остановились.

– Я хочу стать актрисой, – неожиданно для себя призналась Флоренсия.

– В Нью-Йорке есть хорошая кино-академия, я помогу тебе с переездом, если ты решишься на это.

– Но это секрет, Игнасио, никто об этом пока не знает.

– От меня никто ничего не узнает.

– Сама не пойму, почему рассказала вам, – удивилась сама себе Флоренсия, – Ведь я даже родителям пока ничего не говорила.

– Пусть это будет наш секрет, Флор. И помни, все будет хорошо, какое бы решение ты не приняла.

– Спасибо. А вот мы и пришли! Донья Кармен! Бланка! – Флоренсия побежала к дому.

Игнасио снова вернулся в прошлое. Свое андалусское

прошлое, свою безудержную молодость, свою любовь. И снова тот домик с побеленными стенами, запах апельсинов в жарком воздухе и палисадник с цветами. Он провел рукой по стене, пытаясь оставить свой новый старый след.

– Что мне будет за хорошую новость? – слышал он голос Флоренсии во дворе.

– Боже, Флор! – удивлялась Бланка – Что же это за новость такая?

– Это я, – произнес Игнасио, заходя во двор.

С восторженными всхлипами Бланка бросилась на шею брату, а донья Кармен от изумления села на стул, и вот он уже целовал ее морщинистые руки, моля о прощении и заливая их слезами, которые теперь можно было не сдерживать. Бланка обняла Флоренсию и произнесла:

– Теперь вся семья в сборе, а где Лус?

– Да, где ваша дочь? – удивилась Флоренсия, – Я, конечно, ничего не хочу сказать, но можно было бы и навестить бабушку хоть раз за все это время, – Игнасио поднялся и посмотрел на нее с улыбкой.

– Спасибо, что ты была рядом с ней все это время, – он погладил девочку по кудрявым волосам, от чего повеяло большим теплом.

– Мне только в радость, – улыбнулась Флоренсия.

– Я оставил ее в отеле, – ответил он Бланке.

– Флор, идем, попьем вместе гаспаччо, как ты любишь.

– Только очень быстро, донья Кармен, мама отправили меня за апельсинами, моя бабушка ведь так любит апельсиновый сок в сиесту.

– Да, его она очень любит, – рассмеялся Игнасио.

– Почему вы смеетесь? – удивилась Флоренсия, присаживаясь за стол.

– Потому что в сок она всегда добавляет красное вино. Спроси у нее об этом.

– И не переживай по поводу апельсинов, ты же знаешь, у нас этого добра полно, отнесешь ей наши, самые лучшие на Побережье, – улыбнулась донья Кармен, – Чтобы там не говорили Эрнандесы, но на своих плантациях им никогда не вырастить таких, как в моем саду.

Игнасио вспомнил апельсиновый запах у моря и старую хижину. Вечное владение Эрнандесов. Бланка принесла всем гаспаччо и свежие тостады. Игнасио посмотрел в сторону возвышенности, на которой стоял дом де ла Вега, и ему показалось, что строгий взгляд доньи Элеоноры до сих пор следит за ним. Для нее он всегда останется тем самым бедным мальчиком, решившим похитить ее красавицу-дочь.

Элеонора стояла и смотрела вниз, в сторону моря, там внизу когда-то жил мальчишка-гитарист, возомнивший, что может бороться с ней. Он проиграл. Годы, принесшие ра-

дости и грусти, оставили на ее лице свои следы, но гордый профиль остался тем же, что и сорок лет назад. Она давно похоронила своего мужа, потеряла свою вторую дочь, и все что у нее осталось в жизни это ее старшая дочь и внучка. Ей вдруг показалось, что она видит Флоренсию в том самом ненавистном саду того самого ненавистного дома. Но зрение уже давно подводило ее, она вернулась в гостиную, где Антония протирала фарфор.

– Куда запропастилась Флоренсия? – удивлялась она.

– Наверное, встретила друзей по дороге, – ответила дочь.

– Ох уж эти дети! – вздохнула пожилая дама. В этот момент послышался шум открывающейся двери, и в комнату влетела запыхавшаяся Флоренсия.

– Я принесла самые лучшие апельсины на Побережье, – воскликнула она, и дом, словно опять ожил.

– Это тебе продавщица сказала? – сдержанно улыбнулась Элеонора, – Они все так говорят, – она села за стол.

– Нет, бабуля. Они из сада доньи Кармен.

– Ты была в саду Равиола? – удивилась бабушка.

– Она иногда ходит к Бланке, мама, она ведь ее преподавательница хореографии, – вступилась за дочь Антония.

– Да, – подтвердила Флоренсия, раскладывая апельсины, – Донья Кармен говорит, что ее апельсины вкуснее, чем с плантации дона Эрнандеса.

– У Эрнандесов вообще ничего хорошего нет! – выруга-

лась Элеонора.

При упоминании о плантации перед глазами Антонии всплыла юность и безудержность. Запах апельсинов у моря, старая хижина и его страстный взгляд. Игнасио.

– Бабушка, а это правда, что ты добавляешь вина в апельсиновый сок на сиесте? – улыбнулась Флоренсия.

– Кто тебе это сказал? – рассмеялась Антония, припоминая шутки одного дорогого ей человека.

– Игнасио Равиола, он передал тебе привет, мама.

Звук разбитого стекла раздался в гостиной. Ваза с изображением Девы Марии полетела на пол и разбилась вдребезги.

– Это же любимая ваза бабушки! – испуганно взмахнула руками Флоренсия. Взгляды Антонии и матери встретились.

– Она уже давно разбита. Равиола приносят одни несчастья, – произнесла Элеонора, – Ах, да Антония, если ты собиралась сообщить мне о разводе, я все уже знаю, Диего заходил ко мне вчера, он все деликатно рассказал, – с этими словами она вышла из комнаты. Антония испуганно посмотрела на дочь.

– Я тоже знаю, мама, – Флоренсия обняла мать, – Не беспокойся, мы справимся, мама!

– Я знаю, милая. Но, скажи, где ты встретила Игнасио? Он

тебе еще что-нибудь говорил?

– Он принял меня за дочь тети Марии, – рассмеялась Флоренсия, – Хотела бы я с ней когда-нибудь встретиться, неужели я так на нее похожа?

– Очень, Флоренсия, во многих вещах. Но, прошу, расскажи мне про Игнасио.

– Он искал дом Бланки, я привела его. Затем мы немного поболтали, донья Кармен все сокрушалась, что он не привел с собой дочь.

– Дочь! Она здесь?

– Он оставил ее в отеле, ее зовут...

– Лус.

– Ты знаешь ее, мама?

– Знаю.

Тогда вам точно надо встретиться. Мне показалось, что он знает тебя очень хорошо, вы были друзьями?

– Да, были, – задумчиво произнесла она.

Антония подошла к окну и посмотрела в сторону моря. Он был там. Сейчас, как и раньше. И у нее опять не было смелости уйти к нему, за ним и с ним. Сейчас, как и раньше. От этого стало невыносимо больно и душу задушили слезы жалости к себе, к своей жизни, к их жизни.

Проводив Флоренсию взглядом, Игнасио вернулся к матери и сестре. Он молчал и смотрел перед собой, словно прокручивая пленку своей жизни. Антония была замужем, счастлива. А он? Было ли в его жизни счастье? Он ненавидел эту женщину, принесшую ему самое большое счастье и самое большое разочарование. Он ненавидел ее слабость, ее покорность семье, чужим взглядам и навязанным мнениям. Но когда-то он любил ее. Когда-то. Очень давно. В саду под апельсинами доньи Кармен, в спрятанной хижине у маяка, в танцевальном зале под звуки гитары. Он любил ее. Свою Антонию. Ее небесный взгляд, успокаивающий все его бури, ее мелодичный голос, ее нежные прикосновения. Он влюбился в нее с первого взгляда и сразу понял, что будет бороться за нее, во что бы то ни стало. Он боролся с ее ханжеством, боролся с ее мамой, боролся с ее трусостью, боролся с бедностью, но жизнь победила. И после ее окончательного удара, он так и не встал. Что из той любви осталось сейчас?

Кармен наблюдала за сыном и не стала мешать его мыслям. Бланка принесла красного вина.

– Какая она замечательная! – воскликнул он.

– Она просто удивительная, моя лучшая ученица, – ударила себе по лбу Бланка, – Если бы ты видел, как она танцу-

ет! Даже лучше Марии.

– Лучше Марии не танцует никто.

– Флоренсия танцует лучше, – не унималась сестра.

– А вы ведь и не говорили мне, что она растет на ваших глазах, – он с укором посмотрел на мать и сестру.

– Будем считать это мстью за твой отъезд, – спокойно произнесла Бланка.

– А где моя гитара?

– Я подарила ее Хосэ, сыну Раймунды.

– Раймунды и Хосэ? – улыбнулся Игнасио.

– Хосэ погиб пять лет назад.

– Она воспитывает сына одна?

– И сына и дочь.

– На Побережье ничего не меняется.

– Нам нравится такая жизнь, братик.

– А ты-то когда свою будешь устраивать?

– Моя жизнь – это мои ученики.

Когда Игнасио вернулся в отель вечером, Лус ждала его в своей комнате. Он улыбнулся, радуясь свету своей жизни.

– Завтра встретимся с бабушкой и тетей – решил Игнасио.

– На Побережье? – обрадовалась Лус.

– Нет, в центре. Ты уже выучила районы города? – усмехнулся он, – Встречаемся в самом лучшем ресторане города, – он знал, как завлечь ее или думал, что знал, – В чем дело,

дочка? Почему ты грустишь? – на лбу появилась морщинка, как всегда, когда он беспокоился за нее. Она явно была чем-то подавлена. Она взглянула на него, и он уже знал, она сомневалась стоит ли говорить ему, и, пересилив себя, произнесла:

– Ты обманул меня, папа, – дрожь пробежала по его телу.

– В чем же?

– Я не похожа на маму, – грустно сказала она, и он облегченно вздохнул и спросил:

– С чего ты взяла, Лусия?

– Я понимаю, ты хотел, чтобы у меня остались о ней хорошие воспоминания, но сегодня я гуляла по Побережью, и никто не говорил мне, что я похожа на умершую мать.

– Ты ходила на Побережье!?! – взорвался Игнасио, – Я ведь запретил тебе покидать отель!

– А я пошла! И все только и твердили, что я похожа на Антонию де ла Вега! – разрыдалась Лус, – А она жива и у нее есть дочь, сын и муж! – Игнасио смотрел на дочь и понимал, что теперь их жизнь не будет прежней.

– Прости меня, – он обнял ее, – Не стоило привозить тебя сюда, – он уже много раз пожалел о своем возвращении.

– Но почему, папа?

– Я расскажу тебе все, потом.

– Единственное, чего я хочу, это увидеть маму, – при этих словах Игнасио вздрогнул.

– Я покажу тебе ее, обещаю. Ты не заблудилась сего-

дня там?

– На Побережье? Нет! Я встретила друзей, – улыбнулась Лус.

– Друзей?

– Да! Они такие милые, ну один из них. Мне здесь так нравится, мне так хорошо здесь, что хочется рисовать! Тут так много вдохновения – он словно слышал слова из прошлого, своего счастливого прошлого. Когда-то такая же девушка с глазами словно небо, рисовала для него и жила для него.

– Папочка, а можно я завтра зайду в музей Пикассо?

– Да, милая, – он поцеловал дочь в лоб, – Можем это сделать до встречи с бабушкой и тетей.

Проснувшись утром в великолепном настроении, Лус приняла душ, оделась и взяла такси до музея Пикассо. Живопись давно увлекала ее, а творчество испанского художника завораживало. Она знала, что Бланка будет говорить только о танцах, а бабушка Кармен пытаться угостить ее своим гаспаччо, при том, что ей совсем не нравится ни то, ни другое. Поэтому она решила немного зарядить себя духовно перед встречей с родственниками. При входе в музей ей предложили группу для иностранцев и группу для испанцев. Она выбрала первую, все-таки она еще не чувствовала себя испанкой.

– Добрый день, дамы и господа, – гид взяла в руки микрофон и заговорила на английском, – Меня зовут Антония, и сегодня я проведу вам экскурсию по музею Пикассо, в этом доме когда-то жил известный художник.

Едва услышав имя, Лус вздрогнула, маловероятно, что эта была та самая Антония, но она все же протиснулась в первый ряд и увидела перед собой красивую женщину. Антония улыбнулась девушке в первом ряду, так напомилавшей ей ее юность и продолжила экскурсию. Лус переходила из зала в зал и старалась не отставать от экскурсовода, завлекшего

ее очень сильно. После окончания экскурсии она подошла к гиду и сказала:

– Вы самый лучший экскурсовод, которого я встречала, вы так хорошо разбираетесь в искусстве.

– Спасибо, милая, я много этому училась.

– Вам следовало бы работать искусствоведом, а не гидом, – искренне удивилась Лус, – Простите, может, я не то сказала, – извинилась она.

– Все в порядке, я люблю свою работу. Тебя очень интересуется искусство, ведь так? – улыбнулась Антония.

– Я обожаю художественное искусство! – призналась девушка.

– Это просто чудесно! – не могла скрыть свое восхищение Антония.

– Если у вас есть время, мы могли бы поговорить об этом?

– Конечно, у меня как раз сейчас перерыв.

– И у меня есть немного времени перед встречей с родственниками, не люблю все эти посиделки.

– Да, они могут быть утомительны, – рассмеялась Антония, – Но, думаю, в моем возрасте ты поймешь всю их прелесть.

Они вышли из музея и сели за столик соседнего кафе. Две дамы с интересом разглядывали друг друга. Девочке нравилась такая открытость и расположенность испанцев, Анто-

ния была удивлена такой неожиданно возникшей близости.

– Глясе со льдом! – произнесли они в унисон и рассмеялись.

– Вам тоже нравится глясе? – удивилась Лус.

– Я его обожаю, – призналась Антония.

– Я тоже! Хотя мой папа пьет только апельсиновый сок.

– Как и моя дочь.

– У вас есть дочь?

– Примерно твоя ровесница, но она совсем другая. Ей больше нравятся танцы, а не картины.

– А вы сами тоже рисуете?

– Да, я рисовала раньше, когда было вдохновение, – она грустно вздохнула, – У меня дома есть мои работы.

– Как это прекрасно! А можно мне посмотреть?

– Конечно можно, сейчас напишу адрес, – она достала ручку и записала на листочке улицу и дом, – Можешь приезжать в любое время, это дом моей мамы, мы с дочерью пока будем жить там.

– Хотела бы и я иметь маму-художницу, – улыбнулась Лус

– А чем занимается твоя?

– Она умерла.

– Боже мой! – всплеснула руками Антония, – Мне так жаль.

– Ничего, это было очень давно, я ее даже не помню. Отец заменил мне маму.

– Он должно быть очень хороший человек.

– Да, это правда. Вы с ним познакомитесь, он скоро придет за мной. Папа удивительный, хотя временами мне очень сложно выносить его испанский темперамент.

– Так твой отец испанец? – улыбнулась Антония.

– Испанец, только вот я выросла вдали от этих мест и мне немного сложно ко всему привыкнуть, – Лус оглянулась по сторонам.

Официант принес заказ и две испанки сделали по первому глотку, вглядываясь друг в друга.

– Мы столько говорим, а я ведь даже не знаю, как тебя зовут, – улыбнулась Антония.

– Лус, – ответила девочка, и Антония подняла на нее глаза, но взгляд изменился.

Совпадение. Совпадение? Встретить в городе, в котором он ходит с дочерью по имени Лус девушку похожую на нее. Совпадение?

– Равиола? – в горле пересохло, словно от ответа этой девочки зависела ее жизнь. А ведь так и было.

– Да, Лус Равиола, – улыбнулась та, – Как вы догадались?

– Я знала твоего отца, – выдавила Антония.

– Может быть, вы и маму мою знали? – с надеждой спро-

сила Лус, от чего у Антонии затряслись руки, и она поставила стакан на стол.

– Нет, ее я не знала, – наконец, произнесла она.

– Очень жаль, – искренне расстроилась Лус, – Я так надеюсь найти ее могилу! Папа говорит, что я похожа на нее, но ребята на Побережье сказали, что я больше похожа на некую донью Антонию де ла Вега.

– Ребята на Побережье? Антонию? – она не смогла сдержать слез, и они полились из ее небесно-голубых глаз.

– Почему вы плачете, Антония? – Лус участливо взяла ее за руку.

– Я просто очень переживаю за тебя, девочка моя.

– Не надо, я в порядке. Когда долго живешь с одной мыслью, потихоньку привыкаешь к тому, что чего-то у тебя уже никогда не будет.

– Лус, Антония де ла Вега – это я.

– Ах, ну не расстраивайтесь, пожалуйста! Я ведь действительно на вас похожа, – рассмеялась Лус и пристально посмотрела на женщину напротив, – А вот и папочка, – не успела она произнести это, как Антония услышала шаги позади.

Лус с лучезарной улыбкой поднялась навстречу отцу, а Антония старалась успокоить свое бешено-стучащее сердце, она вовсе не хотела встретить старого знакомого сердечным приступом.

– Папочка, это наш экскурсовод, она так много мне рассказала про искусство Испании.

– Приятно познакомиться, – произнес его голос, еще не видевший ее лица. Антония понимала, что сидеть спиной невежливо и встала ему навстречу.

– Тони, – он опять сократил ее имя, как и много лет назад.

– Игнасио, – она никогда не сокращала его.

– Ах, ну конечно! Тут же все друг друга знают, – рассмеялась Лус.

– Так ты познакомилась с моей дочерью? – он обнял Лус за плечи и пристально посмотрел на Антонию.

В этом взгляде она могла прочесть только то, что он никогда не простит ее и все, что было в прошлом, там и останется. Ей стало легче. Словно большая ноша упала с плеч. Сердце больше не стучало, она была готова вынести такой взгляд, она готовилась к нему много лет, репетируя и тренируясь, каждый день на собственном муже. Вот другого взгляда, взгляда влюбленного юноши она бы уже не стерпела. Но влюбленный юноша остался в прошлом, перед ней стоял практичный и расчетливый мужчина.

– У тебя прекрасная дочь, Игнасио, – собрав все спокойствие в кулак, произнесла, наконец, она, – Но слышала, ты и с моей успел познакомиться?

– Спасибо. Да, Флоренсия привела меня вчера домой. Она

восхитительна!

– Спасибо. Видимо, мы хорошие родители? – улыбнулась она.

– Плохие дети стали хорошими родителями, – рассмеялся он, – Мне нравится, что мы можем говорить об этом спокойно, – произнес он и соврал сам себе, – Может, пообедаешь с нами?

– Да, Антония, пожалуйста! – взмолилась Лус.

– Это ваш семейный обед, думаю, я на нем буду лишняя.

Лус в отчаянии посмотрела на отца, он должен был сделать еще попытку. Но он молчал. Он не хотел помочь ни одной, ни другой. Антония повернулась за сумкой.

– Лус, ты можешь приезжать ко мне, когда захочешь.

– Спасибо, Антония! – они не ожидали, но девочка потянулась и поцеловала ее в щеку, не удержавшись, Антония обняла ее на прощание.

Странная сила удержала этих двоих немного дольше обычного в объятиях друг друга. Он не мог на это смотреть и отвернулся, поторопив дочь:

– Нам пора, Лусия.

– Я обязательно приеду, Антония, – сказала напоследок Лус.

Донья Кармен и Бланка, наблюдавшие за этой сценой из окна ресторана, где Игнасио их оставил, переглянулись. Семейная встреча прошла спокойно. У Бланки и Лус не было ничего общего, у бабушки Кармен и подавно. За все время общения с родней Игнасио всегда удивлялся, почему они не обрушивают всю нежность своей испанской любви на племянницу и внуку. Не то чтобы он этого хотел, ведь Лус росла в другой стране и воспитывалась по-другому. Но это всегда его удивляло. Теперь он понимал, все эти годы у них была Флоренсия. Этот комочек необузданной энергии и эмоций. Яркая, смелая и завораживающая. Ей и доставалась та часть обожания, которой не награждали Лус.

– Папочка, а можно мне уйти? Я обещала встретиться с друзьями, – произнесла Лус после долгожданного десерта.

Игнасио посмотрел на мать и сестру и отпустил дочь.

– Ей с нами не интересно, – сказала Бланка, наблюдая за покачивающейся на элегантных лодочках фигурой Лус.

– Нет, просто она немного другая. Она напоминает мне Антонию в юности, – посмотрев вслед дочери, произнес Игнасио.

– Ты виделся сегодня с ней? – мать поймала его взгляд.

– Они встретились с Лус. Она молодец, работает, прекрас-

но воспитала дочь.

– Она больше не рисует, – грустно сказала Кармен, – И уж она-то отлично воспитала Флор, – Кармен все-таки не смогла скрыть обиды на сына.

– Она к вам очень привязана?

– Очень, в отличие от собственной внучки, – сказала Кармен.

– Мама, прошу.

– А что, ты воспитал ее в стиле доньи Элеоноры. Вот она бы Лус точно понравилась.

– Думаю, мы скоро это увидим. Она очень хочет увидеть картины Антонии.

– Ты ей позволил? – удивилась Бланка, – И не боишься?

– А что я могу сделать против зова крови? Вы же не боялись встречаться с Флоренсией все эти годы.

– Ты ревнуешь что ли? – разозлилась сестра.

– А что если и так?! – вспыхнул брат.

– Сам виноват! Ты сам во всем виноват! – для очередной вспышки не нужно было много времени.

– Я знаю, я признаю это и больше не держу все в своих руках.

– Сынок, доверься Богу, Он знает лучше, что лучше для всех нас, – Кармен взяла сына за руку, и он снова почувствовал себя под маминой защитой, как когда-то в далеком детстве.

Проводив мать и сестру домой, он решил немного пройтись. Его первые дни на Побережье разбередили все старые раны. Он встретил Флоренсию, встретил Антонию. Главные карты были открыты, судьба играла с ним. Каким же будет его следующий шаг? Он посмотрел на море, все менялось, оно лишь оставалось прежним. Оно все помнило. Он направился к нему. Его легкие волны накрыли его ступни. Как давно он не чувствовал этих прикосновений, столь желанных его сердцу. Он нагнулся и почувствовал воду кончиками пальцев, затем опустил руки и засмеялся от удовольствия.

– Посмотрите на этого чудака, – указал в сторону Игнасио Хосэ.

– Интересно, что он там делает, – удивилась Мария.

– Наверное, какой-нибудь обряд посвященный морю, – рассмеялся Хосэ.

– Подождите, это же сеньор Равиола, – узнала его Флоренсия.

– Отец Лус?

– Я не знаю, кто такая эта Лус, но его я уже встречала.

– Это новая подружка Хулио, – произнес, как ни в чем не бывало Хосэ. Мария предостерегающе на него посмотрела, но было уже поздно. Буря уже разыгралась.

– Что?! – удивилась Флоренсия, – Какая еще подружка?!

– Ну, они познакомились... тут... в кафе, – пытался оправдать друга Хосэ, – Она очень красивая, похожа на твою

маму, ведь так Мария?

– Ну, вообще-то это правда, Флор, она очень похожа на донью Антонию.

– Он с ней встречается!?! – сокрушалась Флоренсия.

– Я не знаю, – сказал Хосэ, – Он же вроде с тобой встречается. Я ничего не пойму.

– Где они сейчас?

– Он показывает ей город, я не знаю где именно, – пытался выпутаться Хосэ.

– Хосэ, если ты меня обманываешь, тебе не жить! – Флоренсия пригрозила ему пальцем.

– Флоренсия! – заметил приближающуюся компанию Игнасио.

– Здравствуйте, дон Игнасио.

Какой же я дон, зови меня просто Игнасио, – улыбнулся он, – Мы ведь друзья.

– Сеньор, не хочу показаться грубой, но лучше держите свою дочь подальше от Хулио Эрнандеса.

– Эрнандеса? Тебя держать? Не понимаю.

– При чем тут я? Ваша дочь, Лус, пусть больше не приближается к моему парню, иначе я ей жизни не дам на Побережье!

Веселость Игнасио сменилась беспокойством. Значит, Лус встречалась с парнем Флоренсии. Какая игра судьбы!

– Я ничего об этом не знал, – признался он.

– Я тоже! – негодовала Флоренсия.

– Ты его любишь? – спросил он серьезно, чем застал ее врасплох. Мария и Хосэ переглянулись.

– Конечно, нет! Что за глупости! Но он только мой!

Игнасио смотрел на эту маленькую девочку и восхищался ее смелостью. Он, Игнасио Равиола, американский миллионер стоял и принимал условия ее сделки.

– Эрнандесы опять докучают де ла Вега, – усмехнулся он, – Ты, должно быть, дочь Мануэлы? – обратился он к Марии.

– Да, меня зовут Мария, – она протянула ему руку.

– Мария, – произнес с любовью он это имя, – А ты знаешь, что тебя назвали в честь одной очень хорошей девушки, жившей на Побережье много лет назад?

– Моей тети? – удивилась Флоренсия.

– Именно.

– Меня назвали в честь Марии де ла Вега? – еще больше удивилась Мария.

– Да, ваши мамы были очень хорошими подругами.

– Почему тогда меня не назвали Мануэлой? – удивилась Флоренсия.

– Потому что была некоторая договоренность с твоей мамой, – усмехнулся он, – Поэтому мы и решили назвать тебя

Флоренсией.

– Вы?

– Они, – поправил себя Игнасио, – Твои родители.

– Как много вы знаете, сеньор Игнасио, – в разговор вступил Хосэ, – А вот то, что ваша гитара у меня, наверняка не знали?

– Да, признаюсь, до вчерашнего дня думал, что мама ее хранит, но сыну Раймунды ее можно подарить. Мы с твоим отцом были лучшими друзьями, мой мальчик, – он похлопал Хосэ по плечу, – Флоренсия, ты чем-то озабочена? – он обернулся к ней.

– Где ваша дочь сейчас?

– Пойдешь устраивать им большую стирку? – улыбнулся он.

– Конечно, я не могу терять время!

– Она сказала мне, что будет в театре кукол.

– Спасибо, Игнасио, вы наш человек, – с этими словами Флоренсия оставила друзей.

Игнасио смотрел уходящей девочке вслед и вспоминал свою юность и свой собственный максимализм.

«Театр кукол! Все это большой театр кукол! – размышляла Флоренсия, – но он не может быть с другой девушкой. Никогда!» Она нашла их на скамейке, они мило болтали, он смахивал опавший листок с ее волос. До противности мило.

– Ах, вот ты где, любимый! – Флоренсия подошла к нему и села между ними, отодвинув Лус в сторону.

– Флор, ты здесь? – удивился Хулио, – Я думал, ты гостишь у бабушки.

– Я была там, но срочные дела вызвали меня обратно, – она зло толкнула его в бок.

– Меня зовут Лус, – пыталась обратить на себя внимание Лусия.

– Я знаю это, – не оборачиваясь, ответила Флоренсия.

– Флор, может, ты пересядешь? Я не вижу Лус, – сказал Хулио.

– Нет, – она облокотилась на спинку, – Тебе придется меня перетащить, если хочешь чтобы я пересела.

– Ну и сиди, Лус, пошли, пройдемся, – он поднялся, подавая руку Лус, но Флоренсия с силой разорвала их рукопожатие, – Да ты с ума сошла! – схватившись за руку, завопил он, – Зачем ты это делаешь? – она молчала, – Ах, да! Пари, мы его отменим, не беспокойся, танцевать в мужском костюме тебе не придется, я больше не играю, – это было предательство. Не единственное его предательство. Но первое сильное предательство.

– Нельзя отменить данное слово и пожатую руку, – с презрением сказала Флоренсия, – Мне стыдно, что я связана им с тобой, слава Богу, это всего лишь до субботы!

– Ты думаешь, я не могу сдержать своего слова? – ее слова задела его, он подошел к ней ближе и посмотрел прямо

в глаза.

– Завтра пятница, послезавтра суббота, если у тебя и были шансы, сегодня все разрушилось! – она еле сдерживала слезы, а озадаченная Лус наблюдала за этой странной сценой.

– Значит, не признаешься? – усмехнулся он.

– Признаюсь, на фиесте.

– Перед всеми? – удивился он.

– Перед всем Побережьем, пусть все знают, как я тебя ненавижу! А ты будешь признаваться?

– Признаюсь, – улыбнулся он, – В том, что у меня новая девушка, познакомься, это Лус, – он протянул той руку, и она вышла из-за его спины.

– Флоренсия, я так много слышала о тебе.

– Немудрено! И ты сосем, не похожа на мою маму, – бросила ей в лицо Флор, и еще раз посмотрев Хулио в глаза, ушла.

Лусия не понимала их игры, да и не хотела в ней разбираться. Это был ее второй день на Побережье, а она уже отхватила у самой заметной девчонки ее парня. Да еще какого! Остальное ее не волновало. Видимо, в день ее рождения звезды выстроились так, что ей просто везло по жизни.

На следующий день она отправилась в дом де ла Вега. Это имение сразу ее сразило. Настолько красивым и завораживающим оно было. Антония ждала ее с самого утра. Элеонора тоже места себе не находила. Флоренсия, которую этот временный переезд к бабушке выбил из привычной каждодневной рутины, все же отправилась в танцевальный класс. По дороге она натолкнулась на подъезжающее такси, из которого на нее смотрела Лус. Она не питала ненависти или даже недружелюбия к Флоренсии, она просто была другой. Остановив машину, она элегантно вышла, сначала появились ее молочного цвета лодочки, стройные ножки, затем и она, в красивом нежно-голубом платье, так красиво оттеняющем загорелую кожу. Диего Агирре вместе с сыном направлялись в дом бывшей тещи. Увидев обворожительную девушку, оба замерли. Каждый по своим причинам. Лус явно нравилось, какое впечатление она производила на местных мужчин. Диего словно видел перед собой Антонию в день их первого знакомства. Она тогда только приехала из колледжа,

где училась искусству. А Хуан просто влюбился с первого взгляда.

– Привет! – поздоровался Хуан.

– Привет! – ответила Лус.

– Вы идете к бабушке?

– Я иду к сеньоре Антонии посмотреть ее картины.

– О, мама отлично рисует! – восхитился Хуан.

– Антония твоя мама? – удивилась Лус.

– Мачеха, – пояснил Диего.

– Но она воспитала меня, и я считаю ее мамой, – покосился на него Хуан.

– Меня зовут Лус, Лус Равиола.

– Равиола? – усмехнулся Диего.

– Да, вы знаете моего отца? Просто тут все друг друга знают, поэтому я не удивлена, – улыбнулась самой обворожительной улыбкой Лус.

– Знал я одного Равиола, но ты уж точно не его дочь, – рассмеялся Диего.

– А вы отец Флоренсии? – вдруг спросила Лус и поставила его в тупик.

– Да, – коротко ответил он.

– Она ни на вас, ни на вашу жену ничем не похожа.

– Она похожа на нашу тетю, – пояснил Хуан, – Проходи, – пропустил он ее вперед.

– Вот это дом! – восхищалась Лус.

– Один из самых красивых на Побережье, не считая наш и Эрнандесов, – пояснил Агирре.

Антония была явно удивлена видеть Лус в окружении па-сынка и бывшего мужа, она растерянно посмотрела на Ди-его и поняла, что именно пытался найти в этой девочке он, затем перевела взгляд на Хуана и поняла, что тот без памя-ти влюбился в эту обворожительную блондинку. Элеонора встретила ее со всем достоинством, что произвело на девоч-ку неизгладимое впечатление. Именно такой она хотела бы видеть свою бабушку. Роскошной женщиной с гордым над-менным видом, которая живет в большом доме и окружена дорогими и ценными предметами искусства.

– Антония! – они обнялись.

– Лус, позволь, представлю тебя своей маме, донье Элео-норе.

– Лус Равиола, – протянула свою маленькую ручку Лус, улыбаясь.

– Приятно познакомиться, – ответила басом пожилая женщина, изучая ее глазами, – Элеонора де ла Вега.

– Она твоя ученица? – поинтересовался Диего.

– Нет, она просто любитель искусства.

– Какое совпадение фамилий, тебе так не кажется? – не унимался тот.

– Это не совпадение, – ответила Антония, – Это дочь Иг-

наσιο, – она посмотрела прямо в глаза бывшему мужу. При этом имени холод прошелся по его спине. Взгляд замер.

– Значит, Игнасио вернулся? – он посмотрел на бывшую жену.

– Вернулся, – ответила за нее Лус, – Но ненадолго, думаю, скоро мы снова вернемся в Америку, хотя как же я не хочу об этом думать! Мне здесь так нравится!

– Но ты можешь остаться! – Антония была в отчаянии, она не могла потерять ее снова.

– Но как я останусь? Я не хочу жить с бабушкой, а одну папа меня не оставит.

– Ты могла бы жить с нами, – раздался тяжелый голос Элеоноры, – Мы друзья семьи, твой отец не будет против.

– Думаете? Его так сложно уговорить. Но это было бы прекрасно! – всплеснула руками Лус, – Я и не думала, что у вас такие близкие отношения! – Элеонора усмехнулась.

– Это было бы замечательно! – обрадовался Хуан.

– Пойдем, Лус, покажу тебе картины, – предложила Антония.

В танцевальном зале раздавался ровный стук каблучков. Флоренсия танцевала, отдаваясь полностью танцу, вкладывая в него всю свою душу. Танцевал и Хулио. Они все-таки репетировали тот самый злополучный танец.

– Ну, все, теперь нам нужен гитарист, – заключила Блан-

ка, – Техническая часть просто великолепна, Хулио, ты отлично танцуешь, начал бы раньше, стал бы звездой, как наша Флоренсия.

– Ну, куда мне до таких, как она, – улыбнулся он и посмотрел на нее.

– Где же наш Хосэ? – удивлялась Бланка, поглядывая на часы.

– Его сегодня не будет, – сказал Хулио.

– Как не будет? – удивилась Мария, – Он ничего мне не говорил.

– Потом объяснит, нам нужно искать другого гитариста.

– Можно позвать брата, – обрадовалась Бланка, – Он как раз сейчас у мамы. Флор, будь добра, сходи за ним!

Игнасио стоял во дворе своего дома и вдыхал запах апельсинов, вспоминая недавнюю встречу с Антонией. И все же, как легко все прошло, она сейчас замужем, у нее счастливая жизнь, а он так и остался одиноким волком. Он поднял глаза в сторону имения и увидел свою дочь, это точно была Лус. Он знал, рано или поздно она воспользуется приглашением в дом де ла Вега. Он читал это дикое желание увидеться с Антонией в ее глазах. Видимо любовь к ней передалась с его кровью.

– Опять смотришь на нее? – к нему подошла мама, – Наверное, правильно, что ты не приезжал все эти годы, если

до сих пор сходишь по ней с ума.

– Я не схожу по ней с ума, мама, это просто воспоминания.

К тому же я переживаю, Лус сейчас у нее.

– Моя внучка сейчас у Лео? И как ты такое допустил?

– Мама, ты меня сместишь! Вы с доньей Элеонорой на всегда связаны.

– Мог бы влюбиться в дочь менее гордой особы, тоже мне хорош.

– Сердцу не прикажешь. К тому же, Антония совсем не похожа на мать.

– Да, она хорошая, вся в отца. Зато вот Мария была такая же гордячка, как мать.

– Мама, а что с ней случилось? Она так и не появилась?

– Нет, как исчезла тогда, больше никто ничего о ней не знает.

– Я так любил эту девочку, она была такая живая. Такая необычная.

– Как Флоренсия?

– Да, Флор действительно похожа на нее, и похожа на донью Элеонору, – рассмеялся он.

– Я слышу, вы обо мне говорите, – подкралась Флоренсия и деланным вызовом посмотрела на них.

– Мы вспоминали твою тетю.

– Вот все говорят о ней, хотела бы я ее встретить в жизни! Бабушка считает, что она жива. Я пришла за вами, Игнасио, нам нужен гитарист, Хосэ сегодня нет.

– А где он?

– Я не знаю точно, но говорят, он работает, чтобы помочь маме, но это секрет.

– Еще один? – улыбнулся он.

– Вы заметили, что вам я доверяю секрет за секретом, – рассмеялась Флоренсия, – Вот со своим отцом я бы в жизни так не решилась поговорить.

– Тебя вырастил Агирре, – едва сдерживая себя, произнес он.

– Да. Папа очень хороший, но немного строгий, у него все должно быть четко и ясно, а я так не могу. Мама говорит, мне нравится творческий беспорядок.

– Твоя мама очень хорошо тебя воспитала, Флоренсия.

– Ей сложно со мной пришлось, – рассмеялась та.

– С таким темпераментом, немудрено.

– А кем была ваша жена? – неожиданно спросила она.

– Одна девушка с Побережья, почему ты спрашиваешь?

– Потому что ваша дочь мне не нравится, а вы такой хороший, – он грустно улыбнулся, ничего не ответив.

Игры, в которые он играл с судьбой, оказались против него. Судьба не любит, когда ее пытаются провести. Стараясь огородить Лус от Испании всеми возможными способами, он тем самым лишил ее многих качеств. Но она все равно вернулась на Родину, как и он, и теперь им обоим придется учиться жизни на Побережье. Заново.

Едва они вошли внутрь, он почувствовал этот необычный запах танцевального класса, запах фламенко. Здание школы было отреставрировано на его деньги силами Бланки и ее лучших учеников, но дух остался старый, присущий еще его молодости, а, возможно даже молодости их родителей. Он прошелся по начищенному паркету и занял свое место у окна, все было так же, и гитара была та же, его любимая гитара, он нащупал три линии, образующие букву «А» на рукоятке, это он сделал в первый день знакомства с Антонией. Она тогда только приехала из колледжа, где изучала искусство. Он вспомнил, как она замороженная, остановилась рядом с ним, играющим на улице для туристов. Тогда они и влюбились друг в друга. Он взял аккорд, эту же мелодию он играл и тогда. И все понеслись в безудержном ритме танца, объединяющего и связывающего людей, прогоняющего боль, приносящего радость, раскрывающего душу...

Антония не могла нарадоваться на свою гостью, так искренне интересовалась Лус искусством и с таким интересом хвалила ее собственные работы. Она смотрела на картины и видела в них свою другую жизнь. С большим интересом рассматривала она картину с изображением лодки на переднем плане, но называлась она по-другому.

– А почему эта картина называется «Хижина»? – удивилась она, – Хотя здесь лодка на переднем плане? – она мило посмотрела на Антонию.

– А ты взглядишь глубже в самое сердце картины, ты увидишь там хижину, она играет здесь роль важнее.

Лус последовала совету художницы и действительно, сама хижина на заднем плане выделялась намного ярче, чем большая лодка впереди. Она всмотрелась еще лучше и увидела очертания лица в окне этой хижины.

– Как интересно, вот поэтому я люблю художественное искусство, – с восторгом произнесла она – Здесь надо улавливать моменты, догадываться о потаенном смысле, а что в этих танцах? Все напоказ! Все эмоции налицо!

– Да, Лус, мы с тобой в этом похожи, но вот твой отец и моя дочь предпочитают не скрывать свои эмоции.

– Это вы правильно заметили. Антония, вот как вы уживаетесь с вашей дочкой, она же такая необузданная? – искренне удивилась девочка. Антония рассмеялась такой искренности.

– Я уверена, Лус, что с твоим отцом тебе не легче придется, – все еще смеясь, ответила она.

– Вы правы, иногда он так выходит из себя, что мне кажется, сейчас будет извержение вулкана, но он быстро остывает.

– Это так интересно! Лус, это намного интереснее, чем жить с пресным человеком.

– Вы так считаете?

– Да, – вздохнула Антония.

– Мама, вы уже закончили осмотр? – в комнату заглянул Хуан.

– Да, сынок, вроде все посмотрели.

– Можно я буду приходить к вам и еще раз поглядывать на эти картины, я не успела разглядеть лицо в хижине, – произнесла Лус.

– Ты его увидела? – удивилась Антония.

– Да, и оно показалось мне знакомым.

– До тебя никто его не замечал, ты молодец, Лус. Тебе просто необходимо связать свою жизнь с искусством.

– Я думаю над этим, но папа предлагает мне пойти в актрисы.

– Лус, если ты не занята, приглашаю тебя прогуляться немного.

– Идите, дети, – Антония широко улыбнулась и еще раз взглянула на свой маленький шедевр.

Когда-нибудь она разъяснит полный смысл, скрытый на этой картине, известный только ей.

Диего наблюдал за милой картиной, когда его сын шел под руку с дочерью Игнасио, и они увлеченно о чем то говорили. Хуан бросал в ее сторону не двужначные взгляды, и он подумал, как превратна судьба. Как играет она с судьбами людей! Он не винил сына, тот не знал ни о прошедших днях на Побережье, ни о прошлой вражде между их отцами. Он был просто влюблен, как когда-то Диего был просто влюб-

лен в Антонию. В ее мягкий голос, в ее нежные черты лица, в ее доброе сердце. Как же отличалась от нее родная сестра, Мария. Именно она и привела в дом своего закадычного друга – Игнасио. Никто никогда не мог понять, как дочь дома де ла Вега может общаться в кругу людей, совершенно отличающихся от них и положением и воспитанием. Это были обычные цыгане, заработавшие на жизнь песнями, танцами и игрой на гитаре. И Мария была ближе к ним, чем к друзьям де ла Вега. Диего истинно не любил ее за вечные выходки и подтрунивания, но еще больше он не любил ее за лучшего и верного друга, гитариста Игнасио. Каждый раз, как он появлялся в доме де ла Вега, его невеста, Антония, словно теряла разум; сначала она умолкала, но затем искренне смеялась над шутками этого цыгана, как никогда не смеялась над шутками Диего. Сколько раз он ссорился с гитаристом, унижал его всеми возможными способами, дрался с ним. Его ярость не утолялась. А теперь, перешагнув порог своего сорокапятилетия, он стоял и наблюдал, как его единственный сын, гордость рода Агирре сходил с ума по дочери Игнасио Равиола. Он почувствовал, как она вошла в комнату. Нет, она не прикасалась к нему, не окликала его, она просто вошла, и в воздухе повис ее аромат, аромат жасмина, который столько лет сводил его с ума. Она встала рядом и тоже смотрела на детей. Она понимала его, даже сама не имея такого желания. Они прожили эти пятнадцать лет вместе, бок о бок, воспитывая детей, деля радости и грусти.

Они не могли быть совсем чужими. Что-то их все же объединяло. Но пропасть, разверзнувшаяся между ними с того самого дня, как она встретила гитариста на пляже, становилась все больше. И несмотря на то, что она все-таки стала его женой, не смотря на то, что он все-таки добился ее расположения, она навсегда осталась для него чужой. Игнасио уехал, он оставил ее, бросил на произвол судьбы, а она все не переставала любить его, думать о нем и желать его. И Диего ненавидел ее за это. Он не смог добиться ее чувств, и ненавидел себя за это. Когда дети подросли, и совместное проживание стало невозможным, они решили развестись.

– Ты бы хотела иметь такую дочь, как она, – вдруг произнес он, за долгие годы совместной жизни, он знал, как сделать ей больно.

– Ты прав, да и ты тоже, – парировала она.

– Я старался воспитать Флоренсию именно такой, но она пошла в твою сестру.

– И это беспокоило тебя?

– Нет, сблизило с доньей Элеонорой, теперь я понимаю, как сложно воспитывать такую дочь, – он улыбнулся, их совместные разговоры всегда ходили по острию от взаимной боли до взаимного притяжения.

– Хуан влюблен в Лус, – улыбнулась Антония.

– Агирре влюблен в Равиола, – рассмеялся он.

– Забудь уже прошлое, – она взяла его за руку.

– А ты забыла? – он пристально посмотрел на нее и, прочитав ответ в ее бездонных глазах, отнял руку.

Игнасио импровизировал, и у него получалось великолепно, что приводило Флоренсию все в больший восторг. Он наблюдал за дочерью Антонии и не мог поверить своим глазам. Бланка была права, она действительно танцевала лучше Марии, лучше всех танцовщиц мира, она по праву называлась королевой Побережья. А ведь он никогда бы не подумал, что девочка, которую называли цветком жизни, станет такой красавицей. Она широко ему улыбалась, и от его восхищенных взглядов зажигалась все больше и больше. Хулио всегда был рядом, он старался не отставать от Флоренсии, но вела всегда она. Гильермо никогда не танцевал, вспомнил бывшего друга-врага Игнасио. Всегда он был лишь зрителем-воздыхателем, тайным надсмотрщиком. Он часто приходил в танцевальную студию, ведь здесь пела Мануэла, его невеста, но его восторженные взгляды были адресованы не ей. Игнасио смотрел на Хулио и видел в нем то, чего не было у отца. Силы и любви к жизни. Он смотрел на Флоренсию и понимал, что она любит этого заносчивого парня, стоящего рядом с ней. Но принесет ли эта любовь ей счастье или горе, он не мог предугадать.

Репетиция подходила к концу, когда дверь открылась, и он первый увидел Антонию, словно прошлое вернулось. А за ним настоящее, Лус, шла за ней. По лицу старой подру-

ги он понял, что она не ожидала увидеть его здесь, тем более на месте гитариста, с собственной гитарой в руках. Он пристально смотрел ей в глаза, поглаживая выведенные когда-то ровные линии первой буквы ее имени. Она еле сдержала слезы, когда Мария пропела: «Я боюсь прошлого, которое возвращается...» Затем ее взгляд перешел на Флоренсию, танцующую в объятиях Хулио, и она удивилась новым движениям севийяны. Лус тоже наблюдала эту сцену и все желание помириться ради Антонии с ее дочерью, как рукой сняло. Наконец, зазвучал последний аккорд и все заплодировали друг другу, поблагодарив за прекрасный момент жизни, который останется навсегда.

– Папочка, ты играл великолепно! – Лус обняла отца, оттолкнув Флоренсию, направляющуюся к нему, чтобы выразить свое восхищение. Он заметил это полу-движение, это микро-выражение ее лица.

– Спасибо, дорогая, – он обнял дочь и протянул руку Флоренсии, – А вот, кто была настоящая звезда сегодняшнего дня, – он обнял ее и поцеловал в макушку, теребя ее кудряшки, от чего та почувствовала себя маленькой девочкой.

Лус с ревностью взглянула на отца и Флоренсию. Антония не смогла сдержать слез и расплакалась, Лус подошла к ней и успокаивающе обняла. Двое так и стояли в окружении детей друг друга, и глядя в глаза, словно погружаясь в про-

шное.

– Мне кажется, без Марии мы бы не справились, – Флоренсия взяла лучшую подругу за руку и поцеловала в щеку, теперь и у нее на глазах заблестели слезы.

– Что случилось, Флор? – подруга сразу почувствовала что-то, что происходило в потаенных уголках ее души.

– Папа никогда не хвалил меня за танцы, – произнесла Флоренсия, – Как бы я хотела, чтобы сеньор Игнасио никогда больше не уезжал! – едва произнесла она, как все мигом посмотрели на нее.

– Моя дорогая, – Игнасио обнял Флоренсию – Я не уеду, если ты этого хочешь.

Все со странностью наблюдали эту сцену, особенно поражена была Лус. Но Антония понимала, что рано или поздно они ответят за все. Он обнимал Флоренсию и смотрел на бывшую жену, им обоим было одинаково больно.

Хулио не понял ее тогда, как и не понимал позже. Он знал, что ревновать Флоренсию к мужчине, ровеснику ее отца, было, по меньшей мере, глупо, по большей – странно. Озадаченная Лус решила воспользоваться моментом всеобщего смятения и подошла к Хулио.

– Он не прав, самым лучшим был ты, – прошептала она ему в ухо.

– Спасибо, красавица, на самом деле, я только новичок, – он стоял рядом с Лус, но взгляд его был устремлен на Флоренсию. Лус заметила это и провела рукой по его плечу, возвращая его внимание к себе. Сработало.

– А теперь, думаю, будет лучше всего отпраздновать все это веселой фиестой в кафе! – предложил Игнасио.

Его предложение было встречено шумными одобрительными возгласами и овациями. Большая веселая компания отправилась в свое любимое кафе. Когда Игнасио пропускал Антонию вперед, открывая ей дверь, владелец кафе, Маноло, не поверил своим глазам, решив, что со зрением уже давно проблемы, но когда за ними вошли остальные и Игнасио весело крикнул:

– Маноло! Всем гаспаччо и тостад, твоих фирменных. Не таких хороших, как у моей мамы, но все же необычных. Стакан в руках Маноло с грохотом упал на барную стойку, но не разбился.

– Маноло, ты как-будто призрака увидел? – похлопал его по плечу Игнасио и рассмеялся, бармен перевел взгляд на смеющуюся Антонию и улыбнулся. Давно не видел он ее такой веселой. Неужели ее пропавший муженек и вправду вернулся?

– Игнасио, это ты? – наконец произнес он.

– Я! Я! – повторил тот.

– Игнасио! – старые знакомые обнялись, и Лус посмотрела

на Флоренцию.

– Моего папу здесь все знают, – гордо произнесла она.

– Он просто замечательный, – мечтательно сказала Флоренсия.

– Смотри, я начну ревновать, – шутливо сказала Лус, он не думала шутить.

– Да я тоже, – парировала та.

После веселой фиесты самые стойкие направились на гаспаччо к донье Кармен. Антония не хотела идти, но желание еще немного побыть с Лус и Флоренсия, в глазах которой светилось это сумасшедшее желание побыть дольше с Игнасио взяли свое, и она уступила. Молодёжь расположилась на заднем дворе под апельсинами, донья Кармен опять начала свои долгие рассказы о прошлых днях на Побережье.

– Сегодня я расскажу вам одну очень увлекательную историю, – начала она и взоры всех обратились к пожилой донье, – Она началась много лет назад, за десятилетия до вашего рождения. Произошла она здесь, на Побережье. В ту пору оно выглядело по-иному. Здесь не было так много домов, туристы не тянулись сюда со всей Европы. Это был небольшой закрытый район со своими правилами. Мы назвали его «Побережье». В районе было всего два больших и красивых дома, а не то, что сейчас, и для детей из приморских улочек было очень необычно наблюдать за красивыми деко-

рациями этих двух домов, стояли они друг напротив друга, один на вершине, второй у набережной. Две знатные семьи управляли этими домами. И в двух семьях подросли два красавца-молодца, два лучших друга, уважавших общество и друг друга. Франциско и Антонио. Первый навсегда отдал свое сердце морю, а второй все-таки пошел на поводу у родителей и продолжил семейное дело плантаторщиков апельсинов. У Антонио уже была невеста, прекрасная Мерседес, так отлично подходившая его семье. Сердце Франциско пока было свободно. Однажды прекрасным летним вечером оба друга прогуливались по набережной и увидели, как группа путешествующих певцов и танцоров разыгрывали концерт на площади. Внимание обоих привлекла танцующая королева этого квартета. Она двигалась, словно пантера, заворачивая обоих. Ее мягкие кудри развевались на ветру, она летела в свободном танце, освещаемая пламенем костра. Люди потихоньку расходились, а два друга остались с группой и не сводили замороженных взглядов с чарующей танцовщицы. Вскоре им предложили остаться на ночь, и когда темная летняя ночь накрыла их нежным покрывалом, вся компания танцоров и два друга пошли на пляж и расположились у воды, слушая шум прибоя. Танцовщица перестала танцевать и присела у костра, один из друзей, более сильно впечатленный ее танцем все никак не мог оторвать от нее влюбленного взгляда, второй же ее возненавидел. Потому что не мог ею обладать, его уже связывали узы данного слова другой.

Но уйти он, тем не менее, не мог, только одно созерцание этой девушки доставляло ему несравненную ни с чем радость. Франциско решил не терять времени даром и познакомился с таинственной танцовщицей, он всегда был немного смелее Антонио. Он послушался зова души и пошел служить на море, послушался зова сердца и вскоре женился на прекрасной танцовщице. Сколько шума это вызвало в высшем обществе! Люди не переставая твердили об их любви. Связанный словом первый друг становился все мрачнее с каждым днем, и его невеста тоже. Никто не знал, что скрывалось в душе Мерседес, но многие поговаривали, что она была влюблена в собственного мужа, что не было чем-то постыдным, но он ее так и не полюбил. Она буквально возненавидела прекрасную Элеонору. Но у той была своя отдушина, ее любимая подруга Кармен, с которой они делили и горести и счастье. Но время шло, Элеонора попала в высший свет и встречи с Кармен становились все реже и реже, пока не прекратились совсем. Вскоре муж Элеоноры не вернулся из затянувшегося плавания, и она осталась одна с двумя дочерьми на руках. Гордость не позволила ей просить помощи ни у кого, но старый друг ее мужа все понимал и в тайне помогал ей. Сердце бывшей танцовщицы было в шипах, его согревала память о муже, доставившим ей столько счастья, и его же разрывала любовь к его лучшему другу, когда-то посчитавшему ее недостойной звания его жены. Мерседес яро возненавидела Элеонору и при всяком возможном

случае старалась оскорбить и унижить ее. Элеонора не оставалась в накладе. Вскоре на некогда спокойном Побережье началась настоящая война двух некогда дружественных семей – де ла Вега и Эрнандесов. Они хорошенько подпортили жизнь себе и детям, – сказала в заключение Кармен.

Дети ахнули от удивления и начали засыпать пожилую донью вопросами, а Антония и Игнасио, воспользовавшись моментом, вышли в сад.

– Я столько раз слышал эту историю, – первым заговорил он.

– Мама никогда не рассказывала мне ее, – призналась она, – А ведь когда-то она тоже танцевала, я не могу в это поверить.

– Признаться, я тоже, – улыбнулся он.

– Ты ее никогда не любил.

– Думаю, у нас это взаимно, – опять улыбнулся он.

– Когда ты улыбаешься, мне кажется, что ты прежний, – попыталась затронуть волнуящее она.

– Не надо, Тони, не вспоминай, так будет лучше. Для меня, тебя и твоего мужа.

– Бывшего мужа, – поправила его Антония, – Мы развелись.

– Но Флоренсия сказала мне, что ты счастлива с Агирре, – удивился он.

– Флоренсия хочет, чтобы я была счастлива с ним. Но это не так, – она пристально посмотрела на него.

– Он хороший отец? – пересиливая себя, спросил он.

– Он хороший, отец, Игнасио, – подтвердила она.

В этот момент оба понимали, что так много времени потеряно, так много жизни прожито в дали друг от друга. Нет, уже никогда все не будет, как прежде.

– А ты ведь тоже не один все это время жил? У тебя есть женщина? Или жена?

– Женщины были, да, но жена у меня была только одна, – он серьезно посмотрел ей в глаза, от чего стало нестерпимо больно, он корил ее за брак, – Почему ты спрашиваешь? – он опять вернулся в свою невозмутимость.

– Потому что мне хочется знать, черт возьми, как ты жил все это время! – не сдержалась Антония.

Он стоял молча, его раздирали противоречивые чувства. Ему так хотелось показать ей насколько больно было ему и в тоже время он хотел все забыть и оставить в прошлом.

– Мама, ты здесь? – их тишину нарушила Флоренсия.

– Да, родная, мы сейчас уходим, – придя в себя, сказала Антония.

– С тобой все в порядке? – дочь взяла ее за руку, она давно

не видела мать такой возбужденной, – Если вы обидели мою маму, вам несдобровать, – обратилась она к Игнасио, стоявшему в лунном свете с самым суровым выражением лица, которое Флоренсия когда-либо видела.

– А если она меня обидела? – спросил совершенно серьезно он и вышел из сада.

– Все в порядке, Флор, мы просто вспомнили прошлое.

– После сегодняшней истории доньи Кармен я думаю, что и о вас я многого не знаю.

В тот вечер Хулио и Мария вернулись домой поздно, чем озадачили своего отца.

– Где вы были? – удивился он.

– Мы были у доньи Кармен, – ответила Мария, отчего отец удивился еще больше.

– Да, пошли туда после танцев, – добавил Хулио, уже поднимаясь к себе.

– Ты ходишь на танцы? – не переставал удивляться Гильермо, – Твоей бабушке это не понравится, – серьезно сказал он.

– Да, зато я знаю, что ей понравится, – усмехнулся он, – Например история любви сеньоры де ла Вега и моего деда!

– Не смей говорить ей об этом! – испугался Гильермо.

– И я узнаю об этом от совершенно посторонних людей!

– Я думаю, лучше не напоминать ей об этом, раз бабуш-

ка сама об этом не говорит. Это должно быть больно, когда твой муж тебя не любит, – старалась успокоить брата Мария. Гильермо грустно посмотрел на дочь.

– Это глупости, Мария, если бы он любил сеньору де ла Вега, он бы женился на ней, а не на бабушке. Все просто! – слова тронули Гильермо за живое и он произнес:

– Ты многого не понимаешь в любви, сынок, иногда долг перевешивает чувства.

– Это все ерунда! Если любишь по-настоящему, борешься до конца.

Гильермо ничего не ответил, проводив молчаливым взглядом детей. Сын был так похож на него в молодости! Тот же пыл, тот же темперамент, та же гордость и та же уязвимость. Он прошел к себе в кабинет и взял отчеты с плантации. В последнее время дела шли хорошо. Его любимый сорт апельсинов – Мария – давал хороший урожай. На 10% больше чем в прошлом месяце. Он старался сконцентрироваться на цифрах и не дать воспоминаниям унести его в тот день, когда был обнаружен этот сорт и главное, в обстоятельства его названия.

А ведь стоял жаркий июньский день. Он был молод и горяч. И она была с ним. Такая яркая и живая.

– Гильермо, смотри, какой интересный вкус у этого апельсина, он вырос в тени нашей хижины, – она протянула ему маленький оранжевый шарик солнца, – А, значит, его осве-

тил свет нашей любви, – и действительно, то ли близость к морю, то ли тень от хижины, вкус был другим, резковато-сладким, – Мы посадим его и вырастим, – улыбнулась она и сдержала свое слово. Первое дерево выросло у хижины. Потом семена были собраны для более крупных посадок. Их становилось все больше и больше. Новый сорт он назвал «Мария», как вечная память об ушедшей любви.

Прошла неделя со дня заключения пари, но ничего не произошло. Признания не последовало. Но Хулио искренне верил, что сумеет растопить Флоренсию, и она все-таки признается ему в любви. Он старался сдерживать свой темперамент и не грубить ей, иногда получалось, иногда нет. Он был уверен, она сдастся, и им не придется танцевать севийану наоборот. Для реализации своего плана, он решил прокрасться к ней очень рано и поймать ее еще спящей. Он помнил, что эти дни она гостит у бабушки, поэтому пришлось проснуться еще раньше, чтобы дойти до возвышенности, где находился дом де ла Вега.

Летнее субботнее утро в доме де ла Вега всегда начиналось рано только для одной важной персоны, для его владелицы, сеньоры Элеоноры. Когда солнце поднималось над горизонтом зеленовато-синего моря, заливая своим теплом и светом передние комнату и террасу, она уже встречала его стаканчиком апельсинового сока, над которым всегда подтрунивал Игнасио, считая, что она добавляет туда вино. Каждое утро она просыпалась с первыми лучами солнца и смотрела на горизонт, принесший когда-то ее судьбу, горизонт, забравший у нее счастье. Ее дорогой сеньор де ла Вега, капитан дальнего плавания, всегда уходил и всегда возвращался. В память о дорогом муже она каждое утро посвящала их

воспоминаниям. Он был настоящим кабальеро, как красиво он за ней ухаживал, как красиво он ее любил. Совсем не то, что Эрнандес, смотревший на нее своим волчьим взглядом. К ее огорчению ни одна из дочерей не хотела такого счастья, и Элеонора искренне этому удивлялась, пытаясь навязать обеим девочкам свое видение настоящей любви. Ведь когда-то она сумела обуздать свои чувства и сделать правильный выбор. Правильный... для кого? Но ни старшая, ни младшая не пошли по ее стопам. Антония влюбилась в гитариста, с которым ее потом пришлось разлучить, хорошо, что второй брак удался. По крайней мере, Элеонора именно так и считала до недавней новости о разводе. А Мария влюбилась в женатого мужчину, к тому же в сына ненавистного семейства! Даже это готова была ей простить строгая мать, но было уже поздно. Она исчезла. В тот злополучный день Элеонора также проснулась на рассвете и увидела отходящий теплоход, какое-то странное ощущение охватило ее тогда, предвещающее несчастье, она вспомнила покойного мужа. Откуда она могла знать тогда, да и сейчас не была в этом полностью уверена, но все же предполагала, что именно тот теплоход увез ее младшую доченьку. Ах, какой же глупышкой была Мария! Повелась на уловки этого Эрнандеса, он вскружил бедняжке голову, имея невесту. А ведь женился он все равно на другой! Совсем как его отец. Хорошо, что у Элеоноры тогда хватило мудрости распознать истинные желания Антонио. Как бы там ни было, Элеонора, навсегда потеряла

свою дочь. Где она сейчас? Жива ли она еще? Слезы покатились по морщинистым щекам. Никогда в жизни не простит она Эрнандесу его холод и жестокость по отношению к ее малышке. Даже своего первого зятя она так не ненавидела, как его. Она слегка напрягла зрение, и ей показалось, что она видит молодого Эрнандеса, крадущегося к ее дому, видимо воспоминания сегодня были такими сильными, что показались ей реальностью. Она откинулась на кресло-качалку и вдохнула южный воздух.

Хулио, довольный своим новым планом, спокойно поднялся к имению де ла Вега, справедливо предполагая, что так рано в субботу его уж точно никто не увидит, а огласки своему столь необычному поступку, так противоречащему его антипатии к королеве Побережья, он не хотел. И тут на самой террасе он увидел пожилую донью де ла Вега. Он столько раз слышал ее имя от бабушки, окрашенное во все цвета негативной радуги, и после вчерашней истории ему стало особенно интересно взглянуть на нее. Он перешагнул через ограду и посмотрел на ее лицо, все в морщинах, оно, тем не менее, было красивым. И тут он понял, от кого была одарена красотой его возлюбленная Флоренсия. Она была похожа на бабушку, но было в ней что-то еще. От потери внимания он не заметил, как наступил на иссушенную ветку, и она негромко хрустнула, но в утренней тишине этого было достаточно, чтобы пожилая сеньора обратила на это внимание и направилась в его сторону. Другого выхо-

да не было, он мигом перелез через балкон и вскоре оказался в огромном доме де ла Вега. Не зная куда идти, он прошелся мимо гостиной, услышал шаги старушки сзади и поднялся на второй этаж. Дом действительно поражал своей роскошью и размашистостью, хотя было видно, что все это давно осталось в прошлом, и сейчас семья переживала не лучшие времена. Он быстро прошелся по коридору и, увидев комнату с незамысловатой деревянной табличкой «Флоренсия» вошел внутрь. Его взгляду предстала премилая картина. Флоренсия, заливаемая лучами утреннего света, мирно спала. Ее кудряшки были спокойно раскиданы на подушке, и он подумал, что именно так выглядят ангелы, если они существуют. Цветы, которые он захватил с собой, благоухающие мальвы, немного потрепанные от быстрой ходьбы, он положил рядом и сел на край кровати, не отрывая от нее нежного взгляда. Не сдержавшись, он провел рукой по ее волосам, от чего она встрепенулась и открыла глаза. Моменту нежности пришел конец. Увидев его перед собой в собственной спальне, она не поверила своим глазам, решив, что сон о нем продолжается, но потянувшись и взглянув на него еще раз, она поняла, что это не сон.

– Что ты здесь делаешь? – она подскочила на кровати.

– Я принес тебе цветы, – спохватился Хулио. По ее удивленному взгляду он понял, что она явно не ожидала такого проявления чувств от него.

– Ты с ума сошел! – констатировала его состояние лучше, чем любой психолог Флоренсия. Вместо ответа он поцеловал ее. Она ответила и поцеловала его еще раз. Потом еще и еще. Он притянул ее к себе и стащил с себя футболку, обнажая молодое спортивное тело. Сердце Флоренсии готово было выпрыгнуть из груди. Он нагнулся к ней и опустил лямку ее пижамы, покрывая обнаженное плечо поцелуями.

– Почему? – удивилась она, глядя ему прямо в глаза.

– Потому что ты сводишь меня с ума, – не смог сдержать своих чувств Хулио и поцеловал ее еще раз. Как раз в этот момент послышались шаги за дверью.

– Кто-то идет! – встрепенулась Флоренсия.

– Это твоя бабушка, она меня преследует, – выпалил он.

– Прячься в шкаф, – скомандовала она, и запихнула его в свой шифоньер. В дверь постучали.

– Да, войдите, – потянула Флоренсия.

– Это я, моя радость, – в дверях и вправду появилась бабушка, – Ты уже проснулась?

– Да, только что, – Флоренсия поправила опавшие лямки пижамы, за чем внимательно наблюдала Элеонора.

– Ты что-то хотела, бабушка? – Хулио наблюдал эту сцену из единственной щелки, которую оставила ему Флоренсия. Он видел профили обеих де ла Вега и поражался их сходству.

– Просто пожелать тебе доброго утра, мое солнышко, мы с мамой сегодня собираемся на прогулку, поэтому оставим дом на тебя, – она сказала это и собиралась уйти, но нежи-

данно повернулась и спросила, – Ты ведь не общаешься с этим молодым Эрнандесом, как там его? – Флоренсия открыла глаза от удивления.

– Хулио, – уточнила внучка.

– Да, Хулио, рожденный в июле.

– Нет, бабушка, с чего ты взяла?

– Эрнандесы принесли много горя этому дому! Я чую его здесь, – она подошла ближе к шкафу и Флоренсия сглотнула от страха, а затем, представив, что сейчас чувствует Хулио, рассмеялась что есть мочи.

– Ты смеешься над старушкой, а ведь у меня есть для тебя история и я расскажу тебе ее в один день.

– Я верю тебе, бабуля, – Флоренсия пристально посмотрела на бабушку, стараясь поймать след былой любви, – Но смеюсь я, потому что никогда в моей спальне не будет Эрнандеса! Бабуля, я его ненавижу! От одного его вида уже хочется бежать, не то, что приводить его сюда, – она ждала, нет, она не собиралась раскрывать Хулио, она хотела, чтобы он сам себя раскрыл. Видеть, как он злится – вот, что доставляло ей несравненное ни с чем удовольствие.

– Это правильно! – Элеонора направилась к двери и уже выходила, как взгляд ее упал на цветы на кровати, – Откуда цветы? – удивилась она.

– Это Ферни принес, – соврала Флоренсия, – Еще вчера, забыла в вазу положить.

– Фернандо отличный парень, дорогая, именно такой тебе

и нужен, – она поцеловала внучку в лоб и довольная вышла из комнаты.

Флоренсия заперла дверь изнутри. Хулио с шумом распахнул дверь, вырываясь из цветочного рая ее аромата, в котором он оказался. Они молча посмотрели друг на друга. Он потянулся за своей футболкой и хотел ее надеть, но ее рука остановила его. Она взяла футболку в руку и спрятала за спиной.

– Обиделся на меня? – улыбнулась своей очаровательной улыбкой Флоренсия.

– Нет, – буркнул он и подошел к ней ближе.

– Я же вижу, что да, – она провела рукой по его груди и неожиданно для себя поцеловала ее. Он поймал ее испуганный взгляд и нежно поцеловал в губы.

– Флоренсия, ты маленькая дурочка.

– А ты надутый идиот, Хулио.

Их губы слились в сладком поцелуе, который, однако, длился недолго. В дверь опять постучали, выругавшись, Хулио поспешил обратно в свое укрытие.

– Флор, это мама! – послышался голос за дверью, – Почему ты запираешься? – удивилась она.

– Проходи, мам, кажется, сегодня у меня утро посещений.

– Хотела спросить, пойдешь с нами на прогулку, я, бабушка и Лус собираемся на выставку скульптур?

– Ты же знаешь, как я не люблю эти застывшие образы, мама, ты сказала Лус? – Флоренсия сдвинула брови.

– Лус пойдет с нами, ей нравится искусство.

– Конечно, нравится! А вот мне не нравится она! – вскипела Флор, – И почему ты проводишь с ней так много времени, мама?

– Она дочь моего друга, Флоренсия, с которым ты проводишь не меньше времени, – ответила спокойно Антония.

– Мне нравится общество сеньора Равиолы, он меня понимает.

– Так же и мне нравится общество Лус.

– Но твоя дочь я, а не она! – не унималась Флоренсия.

– Но, Флор, мне бы так хотелось, чтобы вы подружились!

– Этого не будет никогда!

Антония немного поникла, Флор это заметила и, улыбнувшись, обняла мать.

– Ладно, если хочешь, дружи с ней, только меня не заставляй, – сказала, улыбнувшись, она.

– Мир? – улыбнулась Антония, – Если бы ты только знала, моя девочка, как сильно я люблю тебя! – она обняла дочь и в этот момент увидела скомканную футболку у кровати на полу.

Отпустив Флоренсию, она взяла ее в руку и непонимающе посмотрела на дочь. Флоренсия лишь пожала плечами. Антония направилась прямо к шкафу, и каково было ее удивление, когда раскрыв его дверцы, она увидела там полуобнаженного Хулио.

– Не открывай их, мама! – пыталась остановить ее Флоренсия, но все уже свершилось.

– Доброе утро, сеньора Антония, – улыбнулся Хулио, и мигом выйдя из шкафа, натянул, наконец-то, на себя футболку.

– Ты пробыл здесь всю ночь? – решила выяснить главное Антония, утро начиналось очень необычно.

– Нет, мама он пришел только сейчас! – развела руками Флоренсия.

Антония облегченно вздохнула. Она не говорила о первом сексе с дочерью, считая ее еще маленькой, но полуобнаженный парень в шкафу наводил на самые страшные мысли.

– Зачем ты пришел? – также спокойно спросила Антония.
– Чтобы подарить мне цветы! – Флоренсия указала на букет.

И в этот момент Антония поняла, какие чувства связы-

вали этих двоих. Она еле сдерживала слезы, ведь ее дочь и сын Гильермо любили друг друга. Самой первой, искренней и чистой любовью. Он продолжал виновато смотреть на Антонию, и ей стало его немного жалко. Он был похож на отца, но это был не Гильермо, был похож на деда, но это был не дон Антонио, перед ней стоял Хулио – сын Мануэлы, ее любимой доброй подруги. Прошное должно отступить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.